

Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное)

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI–XII века.

Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова,
комментарии Б. Н. Флори

<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2163>

Текст Пространного жития Константина-Кирилла Философа издан по древнейшему списку нач. XV в., помещенному в дополнениях к Толковой Палее (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619. Л. 250 об.—267), с восполнением двух утраченных листов по списку в сборнике второй половины XV в. (РНБ, Софийское собр., № 1288/478).

ТЕКСТ ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТЯНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ	1
ПЕРЕВОД ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТЯНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА	18
КОММЕНТАРИИ	35

ТЕКСТ ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТЯНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ

Господи, благослови, Отце.

Богъ милостивъ и щедръ, жадая на покаяние чловеце, да быша спасени вси были и в разумъ истиньныйи пришли, не хоцеть бо смерти грѣшникомъ, но покаянию и животу, [1] аще наипаче прилежить на злобу, но не оставляетъ чловѣца рода отпасти озлоблениемъ и в соблазнъ неприязненъ прити и погыбнути. Но каяждо убо лѣта и времена не престаеть благодѣти творя намъ много, якоже исперва да и нынѣ. Первое же патриархи и отци, и по тѣхъ пророкы, а по сихъ апостолы и мученикы, и праведными мужи, и учителя, избирая ихъ от многомльвѣнаго житья сего. Знаеть же бо Господь своя, иже его суть, якоже рече: «Овча моя глас мои услышать, и азъ знаю я, и именовемъ възываю я, и по мнѣ ходять, и даю имъ животь вѣчныи». [2]

Еже створи в нашъ родъ, въздвиже намъ учителя сичего, иже просвѣти языкъ нашъ, и слабостию омрачыше умъ свои, паче же лестью дияволею, и не хотѣвше в свѣтѣ заповѣди Божии ходити. Житье же его являеть, и помалу сказаемо, якоже бѣ, да иже кто хоцеть, то слыша, подобитися ему, бѣдрость приемля, а лѣность отмѣтая. И якоже рече апостоль: «Подобни ми бывайте, якоже азъ Христу». [3]

В Селуньстѣмь [4] же градѣ бѣ мужь етеръ *добророденъ* и богатъ, именовъ Левъ, предрержа санъ другарескъ [5] подѣ стратигомъ. [6] Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, схраня вся заповѣди Божия исполнь, якоже иньгда Иевъ. [7] Живя же с подружьемъ своимъ, роди семь отрокъ, [8] от нихъже бѣ мѣзинецъ семьи Костянтинъ Философъ, наставникъ и учитель нашъ. Егдаже роди и мати, [9] вдаша и доилици, дабы и доила. Отроча же не хотяше ятися по чужь сесѣць никакоже, развѣ по матернь, дондоже отдоенъ бысть. Се же бысть по Божию смотрению, дабы добра корене добра лѣторасль несквернѣнѣмъ млекоомъ въздоена была.

Потомъ же добрая та родителя свѣщавша не сходистася, говѣюща собѣ. Нъ тако живяста о Господи яко и братъсестра за четыри на десять лѣта, дондоже я смерть разлучи, никакоже не преступлеша того совѣта. На Судъ же ему хотящу ити, плакашеся мати отрочати сего, глаголющи: «Не брегу о всемъ, развѣ о младенци семь единомъ, како хочеть быти устроенъ». Онъ же рече ей: «Вѣру ими ми, жено. Надѣюся Бозѣ, яко дати ему хочеть Богъ отца и устроителя такого, иже устроить вся крѣстияны». [10] Еже ся и събысть.

Семи же лѣт отрокъ бысть, видѣ сонъ [11] и повѣда отцю и матери. И рече, яко: «Стратигъ събравъ вся девица нашего града и рече къ мнѣ: „Избери собѣ от нихъ, еюже хочещи подружию на помощь и сверсть собѣ". Азь же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишу всѣхъ: лицемъ свѣтящюся и украшену велми монисты златыми и бисьромъ и всею красотою. Ейже бѣ имя Софѣя, сирѣчь мудрость. Ту избрахъ». Слышавъша же словеса си родителя его, рекоста къ ему: «Сыну, храни законъ отча твоего и не отверзи наказания матере своея. [12] Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ. [13] Рчи же премудрости: „Сестра ми буди", а мудрость знаему себѣ створи. [14] Сияеть бо премудрость паче солнца, и аще приведеша ю себѣ имѣти подружье, то от многа зла избавишися ею». [15]

Егдаже вдаста и въ учение книжное, спѣяше паче всѣхъ ученикъ в книгахъ памятью доброю велми, яко и дивитися всѣмъ. Единою же от дѣнии, якоже обычаи есть богатицищемъ глумление творити ловитвою, изиде съ ними на поле, ястрябъ свои вземъ. И яко пусти и, вѣтръ ся обрѣте по смотрению Божию, взять и и занесе. Отроча же оттолѣ, въ унынѣ и въ печаль впадъ, два дѣни не ясть хлѣба. Чьловеколюбиемъ бо своимъ милостивый Богъ, не веля ему привыкнути житиискыхъ вещехъ, удобно уловити же, якоже древле улови Плакиду [16] в ловѣ еленемъ, тако и сего ястрябомъ. В себе помышль житѣя сего утѣху и каяше, глаголя: «Таково ли есть житие се, да в радости мѣсто печаль пребываетъ? От сего бо дѣни по инь ся путь иму, иже есть сего лучии. А в молвѣ житѣя сего своихъ дѣнии не иживу». И по учение ся имъ, седяше в дому своемъ, *учася изустъ книгам* святаго Григория Феолога. [17] И знамение крестное сътвори на стѣнѣ, и похвалу написавъ святому Григорию сицеву: «О Григорие, тѣлом человеце, а душею аггеле. Ты тѣлом человек сый, аггелъ явись. Уста бо твоя, яко единъ от серафимъ, Бога прославляют и вселенную просвѣщают правыя вѣры казаниемъ. Тѣмже мя, припадающа к тебѣ любовию и вѣрою, приими и буди ми просвѣтитель и учитель». [18] И тако хваляше Бога.

Вшед же въ многи бесѣды и въ умъ велии, и не моги разумѣти глубины, въ уныние велико впаде. Страннии же нѣкто бѣ ту, умѣяи грамотицию. И к нему шед, моляся и на ногу его падая, вдаяся ему, глаголя: «О человеце, добрѣ дѣи, научи мя художеству грамотичьскому». Он же, съкрывъ талантъ свои, погребъ, рече к нему: «Отроче, не тружайся. Отрекль бо я есмь отнуд никогоже не научити сему въ вся моя дни». Паки же

отрокъ съ слезами ему кланяся, глаголаше: «Възми всю мою чясть от дому отца моего, еже мнѣ достоит, а научи мя». Не хотѣвшу же оному послушати его. Тогда отрок, шед в дом свои, въ молитвахъ пребываше, дабы обрѣл желание сердца своего. [19]

Въскорѣ же Богъ сътвори волю боящихся его. О красотѣ бо его и о мудрости и прилѣжнѣмъ его учении, еже бѣ растворено в нем, слышавъ царевъ строитель, иже нарицается логофетъ, [20] посла по нь, да ся бы съ царемъ училъ. [21] Отрокъ же, услышавъ се, с радостию пути ся ять и на пути поклонися Богу, нача молитву, глаголя: «Боже отецъ наших и Господи милости, иже еси сътворил словомъ всяческаа, и премудростию твоею създави человека, да владѣетъ сътвореными тобою тварьми. Дажь ми сущую въскраи твоихъ престоль премудрость, [22] да разумѣвъ, что есть угодно тебѣ, спасуся. [23] Азь бо есмь рабъ твой и сынъ рабыня твоя». [24] И къ сему прочюю Соломоню молитву изглаголавъ, вставъ, рече: «Аминь».

Егдаже прииде къ Царюграду, [25] вдаша его учителемъ, да ся учит. И въ 3 месяца навикъ всю грамотику и по прочая ся ять учения. Научи же ся Омиру и геометрии, и у Лва [26] и у Фотѣ [27] диалексице, и всѣмъ философскимъ учениемъ к симъ: и риторикии, и арифмикии, и астрономии, и мусикии, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ художествомъ. [28] Тако я навиче вся, якоже бы могль кто едино навикнути от нихъ. Скорость бо ся съ прилежаниемъ съключи, другъ друга преспѣвающи, имже ся учения и художества съвършаютъ. Болѣ же учения, тихъ образъ на себѣ являя, с тѣми бесѣдоваше, с нимиже бяше полезнѣе, уклоняся от укланяющихся въ стропты, и помяшляше, како бы земными небеснаа премѣншу, излетѣти ис телесе сего и съ Богомъ жити. [29]

Узрѣвъ же и такова суца, логофетъ дасъ ему власть на своемъ дому и въ цареву полату съ дрѣзновениемъ входити. И въпроси его единою, глаголя: «Философе, хотѣхъ увѣдѣти, что есть философия». Онъ же скорымъ умомъ абие рече: «Божиимъ и человеческимъ вѣщемъ разумъ, елико можетъ человекъ приблизитися Бозѣ, и яко дѣтелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшему и». От сего же паче възлюби его и присно его въпрашаше о всемъ толикъ мужъ велии и честенъ. Онъ же ему сътвори учение философское, в малыхъ словесѣхъ велии умъ сказавъ.

В чистотѣ пребываа, велми угажаше Богу, толми паче любезнѣи всѣмъ бываше. И логофетъ всяку честь творя ему говѣину, злато много дая ему, онъ же не приимаше. Единою рече к нему: «Твоя красота и мудрость нудитъ мя излиха любити тя, то дщерьъ имамъ духовную, юже от крестила изяхъ, красну и богату, и рода добра и велиа. Аще хочешъ, подружие сию ти дамъ. От царя же нынѣ велию чѣсть и княжение [30] приимеши. И болшаа чаи — въскорѣ бо и стратигъ будеши». Отвѣща ему Философъ: «Даръ убо велии да будетъ требующимъ его. А мнѣ болѣ учения нѣсть ничтоже, имже разумъ събравъ, прадѣдья чѣсти и богатства хощу искати». [31] Слышавъ же логофетъ отвѣтъ его, шедъ къ царици, [32] рече: «Сеи философъ юны не любитъ житиа сего, то не отпусти его от общины, но постригше и на поповство, вдадимъ ему службу. Да будетъ книгичи [33] у патриарха [34] въ святѣи Софии. [35] Некли поне тако и удержимъ». Еже и сътвориша ему.

Мало же с ними весма побывъ, на Узкое море [36] шедъ, съкрыся таи в монастыри. Искаша же его 6 месяцъ, и едва и обрѣтоша, и не могоша его унудити на ту службу. Умолиша же и учительский столъ приати и учити философии тоземныа и странныа съ всякою службою и помощию. И по то ся ять. [37]

Бѣ же Аннии патриархъ [38] ересь въздвигль, глаголя не творити чѣсти святымъ иконамъ. И събравше съборъ, обличиха его, яко неправо глаголетъ, и съгнаша и съ стола.

Он же рече: «Насилием мя съгнаша, а не препрѣвше мене. Не можетъ бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с *патрикии*, [39] устроивъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеша уношу сего препрѣти, то паки столь свои примеша». Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣды стара ума в немъ и, иже бяху послани с нимъ, рече к нимъ: «Вы подножиа моего нѣсте достойни, то како ся с вами хошу прѣти?» Философ же к нему рече: «Не людскаго обычаа держи, но Божиих заповѣди. Зри, якоже бо еси и ты от земля, а душа Богомъ съставлена, тако и мы вси. То на землю зря, прею, человеце, не грѣдися». Паки же Аннии отвѣща: «Не подобно есть въ осень цвѣтець искати, ни старца на воину гнати, яко юношу нѣкоего». Философ же отвѣща ему: «Самъ на ся вины обрѣтаеша. Рци, в кую врѣсту есть силнѣиши душа, телѣси?» Он же рече: «На старость». Философ же рече: «На кую тя брань гонимъ: на тѣлесную ли или на духовную?» Он же рече: «На духовную». Философ же отвѣща: «То ты нынѣ силнѣи хочещи быти, да не глаголи нам таких приточ. Не без врѣмене бо ни цвѣтець ищем, ни на воину тебе гонимъ». Посрамль же ся тако, старецъ инамо обрати бесѣду и рече: «Рци ми, юноше, како крѣсту, разорену суцу, не кланяемъ ему, ни лобызаемъ его. А вы, аще лице до перси токмо будет, иконную честь ему творяще, не стыдитесь». Философ же отвѣща: «Четыре бо части крѣсть имат. И аще едина его часть убудет, то уже своего образа не являет. А икона от лица токмо образ являет и подобие того, егоже ради будет писано. Не лвова бо лица, ни рысии зреть, иже и видить, но перваго образ». Паки же старецъ рече: «Како ся убо кланяете крѣсту без написаниа, а бывшем инѣмъ крѣстом, икона же, аще не има написана имене, егоже будет образ, то не створите ей чѣсти». Философ же отвѣща: «Всякъ бо крѣсть подобен образъ иматъ Христову крѣсту. А иконы не имутъ вси единого образа». Старецъ же рече: «Богу рекшу к Моисеу: „Не сътвориши всякого подобиа". [40] Како вы, творяще, кланяетесь». Философъ противу ему отвѣща: «Аще бы рекль: „Не сътвориши никакогоже подобиа", [41] — то право приши. Но есть рекль „не всякого", сирѣчь „достойное"». Противу же симъ не могии отпрѣти старецъ, умолча, посрамлься.

Чтение второе [42]

По сих же агаряне, нарицаемии срацини, въздвигоша хулу на единобожество Святыя Троица, глаголюще: «Како вы, христиане, единъ Богъ мняще, размѣшаете и паки на три, глаголюще, яко Отець и Сынъ и Святыи Духъ есть? Аще можете сказати извѣстно, послѣте мужа, иже могутъ глаголати о семь, и преприт ны». Бѣ же тогда Философ двѣмдесятъ и четырьми лѣтъ. Съборъ створи царь, призвавъ его, и рече ему: «Слышиши ли, философе, что глаголють сквернении агаряне на нашу вѣру? То якоже еси Свягыя Троицы слуга и ученикъ, шед, противися им. И Богъ, съврѣшитель всякой вещи, славимый въ Троици Отець и Сынъ и Святыи Духъ, да ти подасть благодать и силу въ словесѣхъ и яко другаго Давида новаго явить тебе на Голиада с тремя каменми, [43] и побѣждыша възвратитъ тя к намъ, сподобль небесному царству». Слышав же се, отвѣща Философ: «Радъ иду за христианскую вѣру. Что бо есть слаждыше мнѣ не семь свѣтъ, но за Святую Троицу и живу быти и умрети». Приставльше же ему асукрита Георгия, [44] послаша.

Дошедшим же имъ тамо, бѣша образи дѣмонскы написали внѣюду на дверехъ всѣмъ христианомъ, дивъ творяще и ругающесея. [45] Въпросиша же Философа, глаголюще: «Можеша ли разумѣти, философе, что есть знамение се?» Он же рече: «Дѣмонскы образы

вижду и непшую, яко христиани ту живутъ внутрь. Они же, не могуще жити с ними, бѣжать вонъ от нихъ. А идѣже сего знаменна нѣсть внѣюду, то с тѣми суть ту внутрь».

На обѣдѣхъ сѣдѣше агаряне, мудраа чадъ и книжнаа, учена многи мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающе его, въпрашааху, глаголюще: «Видиши ли, философе, дивно чюдо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благоую вѣсть от Бога, обрати многы люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающе. А вы, Христовъ законъ держаще, вашего пророка, овъ сице, овъ инако, якоже есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите». К сим же Философъ отвѣща: «Богъ наш яко пучина есть морскаа. Пророкъ же глаголетъ о нем: „Род его кто исповѣсть? Возметъ бо ся от земля животъ его". [46] Сего же ради искания мнози в пучину ту входят. И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплавають и възращаются. А слабии, яко въ изгнилых кораблехъ покушающесе преплутти, овии истапают, а друзии с трудом едва отдыхаютъ, немощною лѣностию вдающесе. Ваше есть узко и удобно, еже может и прескочити всякъ, малъ и великъ. Нѣсть бо кромѣ людскаго обычая, но еже вси могутъ дѣлати, а ничьсоже вамъ заповѣдалъ. Егда бо нѣсть вамъ встѣгнутъ гнѣва и похоти, но попустилъ — то в каку вы имате вринутти пропасть? Смыслении да разумѣютъ. Христосъ же не тако, но от низу тяжкое горѣ възводитъ върою и *дѣтелию Божию*. Творечъ бо есть всѣмъ, межю ангель и скоты человека сътворилъ есть, словесемъ и смысломъ отлучивы и от скота, а гнѣвомъ и похотью от ангель. И еже ся кто *части приближаетъ*, паче тою ся причащаетъ — вышнихъ или нижнихъ». Въпросиша же и паки: «Како вы, единому Богу сущю, въ три славите и? Скажи, аще веси. Отца бо нарѣчете и Сынъ и Духъ. То аще тако глаголете, то и жену ему дадите, да ся от того мнозѣ бозѣ расплодять». К симъ же Философъ отвѣща: «Не глаголете тако хулы бе-щину. Мы убо добрѣ есмь навыкли от отецъ и от пророкъ и от учитель славити Троицю: Отець и Слово и Духъ, и три упостаси въ единомъ существѣ. Слово же то въплотися въ Дѣвѣ и родися нашего ради спасения, якоже и Махъметъ вашъ пророкъ свѣдѣльствуе, написавъ сице: „Послахомъ духъ нашъ къ дѣвѣи и извольше да родить". От сего же азъ вамъ извѣщение творю о Троици». [47] Сими же словесы поражени на другая ся обратиша, глаголюще, яко: «Тако и есть, яко глаголеши, гости. Да аще Христосъ Богъ вашъ есть, почто не творите, якоже велить? Писано бо есть в евангельскихъ книгахъ: „Молити за врагы. Добро дѣйте ненавидящимъ и гонящимъ". [48] Вы же не тако, нѣ противна оружья острите на творящая вамъ таковая». Философъ же противу симъ отвѣща: «Двѣма заповѣдма сущема въ законѣ, кто законъ свѣршая является, иже ли едину съхранити, или иже и обѣ?» Отвѣщаша же они, яко иже обѣ. Философъ же рече: «Богъ есть рекль: „Молите за обидящая". [49] Тѣ есть паки рекль: „Больша сея любьви не можетъ никтоже явити на семь житии, *но* да свою душу положить за другы". [50] Другъ же ради мы се дѣемъ, да не с телеснымъ пленениемъ и душа ихъ пленена будетъ». Паки же глаголаша они: «Христосъ есть данъ даяль [51] за ся и за ны. Вы же како не творите того дѣль? И уже аще браняще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку языку измаилитьску за братью вашу и за другы? Мала же и просимъ, токмо единого златника. И донелѣже стоить вся земля, хранимъ миръ межю собою, якоже инъ никтоже». Философъ же отвѣща: «Аще убо кто въ слѣдъ учителя ходя, и хоцетъ во тѣ же слѣдъ ходити, во ньже и онъ, другыи же, срѣтъ и, съвратитъ и — другъ ли ему есть или врагъ?» Они же рѣша: «Врагъ». Философъ же рече: «Егда Христосъ данъ даяль, кое владычество бѣ: измаилитьско ли или римьско?» Отвѣщаша же они: «Римьско». «Тѣмъже не достоить насъ зазирати, понеже римляномъ даемъ вси данъ». По сихъ же и ина многа

въпрашания въпрашаша и, искушающе от всѣхъ художествии, яже и самѣ имѣяху. Сказа же имъ вся. И яко я препрѣ о сихъ, и рѣша к нему: «Како ты вся си умѣеши?» Философъ же рече к нимъ: «Чьлоовекъ етеръ, почерпъ воду в мори, в мѣшци ношаше ю. И гордяшеся, глаголя къ странникомъ: „Ввдите ли воду, еяже никтоже не имѣеть развѣ мене?“ Пришедъ же единъ мужъ поморникъ и рече к нему: „Неистовъ ли ся дѣеши, хваляся токмо о смърдящимъ мѣшци? А мы сего глубину имѣемъ“. Тако и вы дѣете. А от насъ суть вся художества изшъла».

По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ *несажень*, иньгда от земля изникнущъ. И яко сказа имъ, како се бываетъ, пакы показаша ему все богатство: храмины утворены златомъ и сребромъ и камениемъ драгимъ и бисеромъ, глаголюще: «Виждь, философе, дивно чудо: сила велика и богатство много армениино [52] владыкы срачиньска». Рече же к нимъ Философъ: «Не диву се есть, Богу же хвала и слава, створшему вся си и въдавшему на утѣху чьлоекомъ. Того бо суть, а не иного». Сетьнѣ же на свою злобу обрашше, даша ему ядъ пити. Нъ Богъ милостивый рекъ: «Аще и смертно что испиѣте, ничтоже васъ не вредить». [53] Избави и того и на свою землю съдрава възврати и пакы.

Не по мнозѣ же времени отрекъся всего житья сего, сѣде на единомъ мѣстѣ и без молвы, собѣ самому токмо внемля. И на утрии днь ничтоже не оставляя, нъ нищимъ раздаяше все, на Бога печаль възмѣтая, иже ся и всѣми на всякъ днь печеть.

Единою же на Святыи днь служѣ его тужащю, яко ничтоже не имамъ на сѣи днь чьстьнъ. Онъ же рече ему: «Прѣпитавый иньгда израилиты в пустынѣ, тѣ имать дати и намъ сдѣ пищу. Нъ шедъ призови понѣ 5 нищихъ мужъ, чая Божия помощи». И яко бысть обѣдняя година, тгда принесе нѣкто мужъ бремя всея яди и 10 златникъ. И Богу хвалу възда о всѣхъ сихъ. [54]

Въ *Олимпѣ* [55] же шедъ къ Мефодью брату своему, начать жити и молитву творити беспрестани къ Богу, токмо книгами бесѣдуя.

Чтение 3

Придоша же съли къ цесарю от казаръ, [56] глаголюще, яко: «Испърва единъ токмо Богъ знаемъ, иже есть над всѣми. И тому ся кланяемъ на вѣстоки, а обычая своя ины студныя держаще. Еврѣи же устятъ ны вѣру ихъ и дѣла прияти, а срацини, на другую страну, миръ дающе и дары многы, стѣжати ны на свою вѣру, глаголюще, яко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ языкъ. Тѣ сего ради сълемъ къ вамъ, старую поминающе дружбу и любовь держаще, языкъ бо велии сушь, от Бога цесарство держите. И вашего совѣта въпрашающе, просимъ же мужа книжна у васъ. Да аще прѣпритъ еврѣя и срацины, то по вашу ся вѣру имемъ». [57]

Тогда възыска цесарь Философа и изьобрѣты и, сказа ему козарьскую рѣчь, глаголя: «Иди, философе, к людемъ симъ. Створи имъ отвѣтъ и слово о Святѣи Троици с помощью ея, инъ бо никтоже не можетъ сего достойно створити». Онъ же рече: «Аще велиши, владыко, на сицю рѣць радъ иду пѣшъ и босъ и безъ всего же, егоже не веляше Богъ учникомъ своимъ носити». Отвѣщавъ же цесарь: «Аще се ты бы хотѣлъ о собѣ створити, то добрѣ ми глаголеши. Нъ цесарскую деръжаву вѣдыи и чьсть, чьственно иди съ цесарскою помощью». Тгда же пути ся ятъ. И дошедъ Хорсуня, [58] научися ту

жидовскы и бесѣдѣ и книгамъ, осмь частии грамотикиа прѣложь и от того разумъ въсприимъ.

Самарянинъ [59] же етеръ ту живяше и, приходя к нему, стязашеся с нимъ. И принесе книги самарѣискы [60] и показа ему. И испрошь я у него, Философъ затворися въ храмъ, на молитву ся наложи. И от Бога разумъ приимъ, *чести* нача книги бес порока. Узрѣвъ же самарянинъ, възпи великымъ гласомъ и рече: «Воистину, иже въ Христа вѣрують, въскоре Духъ Святыи приемлють и благодѣтъ». Сыну же ся его крыщю тогда, и самъ ся по немъ кръсти.

Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены [61] писано, и чловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчи приимъ, свои бесѣдѣ прикладая различно писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начать чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще.

Слышавъ же, яко святыи Климентъ еще в мори лежить, [62] помолися, рече: «Вѣрую в Бога и святѣмъ Климентѣмъ надѣюся, яко обрѣсти имамъ мощи его и изнести из моря». Убѣждъ же архиепископа [63] и съ клиросомъ всѣмъ и говѣины мужа, и всѣдъше в корабля, и идоша на мѣсто, утишьшюся морю велми. И дошедъше, начаша копати, поуще. Тъгда же бысть воня велия, яко кандиль много. И по семъ явишася святыя мощи, яже вземше с великою чѣстью и славою. И всѣ священници и гражанѣ внесоша я в градъ, якоже пишеть въ обрѣтение его. [64]

Козарьскыи же воевода с вои шьдѣ, опстуди кръстьяньскыи градъ и сплетесе о немъ. Увѣдѣвъ же Философъ, не лѣнься, иде к нему. Бесѣдовавъ же с нимъ, учителная словеса предложь и укроти и. И обѣщавъся ему на кръщение и отъиде, никояже пакости створи людемъ тѣмъ. Възврати же ся и Философъ въ свои путь. И в пьрвыи час молитву творящу ему, нападоша на нь угри, [65] яко и волчьскы вьюще, хотяще и убити. Онъ же не ужасеся, нь ни остави своя молитвы, нь кюръ илѣса [66] *токмо* възывая — бѣ бо окончалъ уже службу. Они же узрѣвъше, по Божию повелѣнию укротѣша и начаша кланятися ему. И слышавше учителная словеса от усть его, отпустиша и съ всею дружиною.

Всѣдъ же в корабль, пути ся ятъ козарьска на *Меотское* озеро [67] и Капиискыя врата [68] *Кавкасижскыхъ* горь. Послаша же козарѣ противу его мужа лукава заскопива, иже бесѣдую с нимъ, рече ему: «Како вы золь обычаи имѣете и ставите цесарь инъ въ иного мѣсто, от иного рода? Мы же по роду се дѣемъ». Философъ же к нему рече: «И Богъ бо в Саула мѣсто, ничтоже угодна дѣюща, избра Давида, угажающаго ему, и родъ его». Онъ же рече пакы: «Вы убо *книгы* держаше в руку, от нихъ вся притѣча глаголете. Мы же не тако, нь от пьрсии всю мудрость, яко поглосьше, износимъ ю». Рече же Философъ к нему: «Отвѣщаю ти к сему. Аще обрящещи мужъ нагъ, и глаголетъ ти, яко многы ризы и злато имею, имещи ли ему вѣру, видя и нага?» И рече: «Ни». «Тако и азъ тебе глаголю. Аще ли еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ны, колько родъ есть до Моисѣя и колико есть лѣтъ которыи же родъ держалъ?» Не мога же к сему отвѣщати и умолча.

Дошедъшю же ему тамо, егда хотяху на обѣдѣ сѣсти у кагана, въпросиша и, глаголюще: «Кая есть твоя чѣсть, да ты посадимъ на своемъ чину?» Онъ же рече: «Дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже близъ цесаря сѣдѣше, и даную ему славу волею отвергъ, изгнанъ бысть, и страну ину землю дошедъ, обнища. И ту мя роди. Азъ же, дѣдня части древняя ища, не достигъ иноя прияти, Адамовъ бо внукъ есмь». [69] И отвѣщаша же ему: «Достоино и право глаголеши, гости». И от сего же паче начаша на немъ чѣсть имѣти.

Каганъ же чашю вземъ и рече: «Пиемъ во имя Бога единого, створшаго всю тварь». Философъ же чашю вземъ и рече: «Пию въ единого Бога и Словесъ его, имже небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имже вся сила ихъ състоитъ». Отвѣща к нему каганъ: «Вси равно глаголемъ. О семь токмо различно держимъ: вы бо Троицю славите, а мы Бога единого, улучше книги». Философъ же рече: «Слово и духъ книги проповѣдаютъ. Аще кто тобѣ чсть творить, твоего же словесъ и духа не в чсть имѣть; другии же паки все трое въ чсть имѣть — котории от обою есть чтивѣи?» Онъ же рече: «Иже все трое въ чсть имѣть». Философъ же отвѣща: «Тѣмъже мы боле волею творимъ, вещьми сказающе и пророкъ слушающе. Исаия бо рече: „Слушаи мене, Иякове Израилю, егоже азъ зову: азъ есмь пьрвыи, азъ есмь въ вѣкы". [70] И нынѣ Господь посла мя и Духъ его». Июдѣи же, стояще около его, ркоша ему: «Рчи убо, како можетъ женьскъ родъ Бога вмѣстити въ црево, на ньже не можетъ никтоже възрѣти, а нѣли родити и». Философъ же показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника и рече: «Аще кто речеть, яко пьрвыи совѣтникъ не можетъ чредити кагана и паки же речеть, послѣднии рабъ его сего *можетъ* кагана ичредити и и чсть ему створити — что имѣемъ наречи и, скажите ми, неистова ли или несмыслена?» Они же реша: «И зѣло неистова». Философъ же к нимъ рече: «Что есть от видимыя твари чстнѣе всѣхъ?» Отвѣща же ему: «Чьлоовекъ по образу Божию сътворенъ есть». Паки же рече к нимъ Философъ: «То како не суть трѣсновѣ, иже глаголють, яко не можетъ вмѣститися Богъ въ чьловека? А онъ в купину ся вмѣсти и въ облакъ, и в бурю, и дымъ, являся Моисѣови и Иову. Како бо можеши иному болящю, а иного ицилити? Чьловѣчьску убо роду на ислѣние пришедъшю, от кого бо паки бы обновление приялъ, аще не от самого Творча? Отвѣщайте ми, ащъ врачъ, хотя приложити пластырь болящимъ, приложить ли или дровѣ или камени? И явить ли от сего чьловека исцелѣвъша? И како Моиси рече Духомъ Святымъ въ своей молитвѣ, руцѣ простеръ: „*Въ горѣ каменнии* и въ гласѣ трубнѣмъ не являи ны ся к тому, Господи щедрыи, но вселивъся в нашу утробу, отъимъ наша грѣхы". [71] Акюла [72] бо тако глаголетъ». И тако разидошася съ обѣда, нарекше днь, во ньже *бесѣдуютъ* о всихъ сихъ.

Сѣдъ же паки Философъ с каганомъ и рече: «Азъ убо есмь чьлоовекъ единъ въ васъ без рода и другъ. И о Бозѣ же ся стязаемъ вси, емуже суть в руку всякая сьрдца наша. От васъ же иже суть силнѣи въ словесехъ. Бесѣдующемъ намъ, еже разумѣють — да *глаголють*, яко тако есть, а ихъже не разумѣють — да въпрашають, — и скажемъ имъ». Отвѣща же июдѣи и ркоша: «И мы держимъ въ книгахъ и слово и духъ. Скажи же намъ, котории законъ Богъ дасть чьлоекомъ пьрвое: Мосѣови ли или иже вы держите?» Философъ же рече: «Сего ли ради насъ въпрашаєте, да пьрвыи законъ держите?» Отвѣща они: «Еи. Пьрвыи бо и достоинъ». И рече Философъ: «То аще хотите пьрвыи законъ держати, то от обрѣзания уклонитесь отинудъ». Ркоша же они: «Цто ради сице глаголеши?» Философъ же рече: «Скажите ми, убо не потаяще, въ обрѣзании ли есть пьрвыи законъ данъ или въ необрѣзаныи?» Отвѣщаша они: «Мнимъ, въ обрѣзании». Философъ же рече: «Не Ноеви ли Богъ дасть законъ пьрвѣе по заповѣдании отпадении Адамовѣ, завѣтъ нарѣчая законъ? Рече же бо к нему: „Се азъ въздвигну завѣтъ мой с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и со всею землею. Тремя заповѣдми дьржимъ: все ядите зелие травное и елико на небесѣ и елико на землѣ и елико на водахъ, развѣ мяса в крови душа его не ядите. И иже прольеть кровь чьловецю, да прольется своя ему в того мѣсто".[73] Что глаголете противу сему, пьрвыи законъ рекъше держати?» Июдѣи же к нему отвѣщаша: «Пьрвыи законъ Мосѣовъ держимъ. Сего же нѣсть нареклъ Богъ закона,

нъ завѣтъ, яко и первое заповѣдь къ чловеку в Раи. И къ Авраму инако обрѣзание, а не законъ. Ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. Различно бо есть творецъ нареклъ обою». Философъ же отвѣща к нимъ: «Азъ о семъ скажу сице, яко законъ ся нарѣчаеть и завѣтъ. Господь бо глагола ко Авраму: „Даю законъ мой въ плоть вашу, — еже и знамение нарече, — яко будетъ межю мною и тобою". [74] Тоже къ Иеремии паки въпиеть: „Послуши же завѣта сего и възглаголеши бо, рече, къ мужемъ Иудовимъ, живуцимъ въ Ерусалимѣ. И речеши к нимъ: Тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: проклять чловекъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, иже заповѣдахъ отчемъ вашимъ въ день, въ нже изведохъ я и-земля Егупетъскы"». [75] Отвѣщаша иудѣи къ сему: «Тако и мы держимъ, яко законъ наричається и завѣтъ. Елико же ся ихъ держа по законъ Мосѣовъ, вси Богу угодиша. И мы держимся по нь и надѣмся такоже быти. А вы въздвигъше инъ законъ, попираете Божии законъ». Философъ же рече к нимъ: «Добрѣ дѣемъ. Аще бо бы и Аврамъ не ялся по обрѣзание, но держаль Ноевъ завѣтъ, не бы ся Божии другъ нареклъ; ни Моисѣ же послѣди паки написавъ законъ, перваго не держа. Такоже и мы по сихъ образу ходимъ и, от Бога законъ приимше, держимъ, да Божия заповѣдь тверда прѣбываеть. Давъ бо Ноеви законъ, не сказа ему, яко другыи имамъ ему дати, нъ въ вѣкы прѣбывающе въ души живу. Ни паки Авраму обѣтования давъ, не възвѣсти ему, яко и другыи имѣю дати Мосѣови. То како вы держите законъ? И Богъ *Иезекиилемъ* въпиеть, яко: „Прѣставлю и инъ вам дамъ". [76] И Еремия бо рече: „Явѣ се дньи грядуть, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Иудову и дому Израилеву завѣтъ новъ. Не по завѣту, иже завѣщяхъ отчемъ вашимъ *въ днь, въ нже* приимшо ми руку ихъ извести я и-земля Егупетъскыя, яко ти не прѣбыша в завѣтъ моемъ. [77] И азъ възненавидѣхъ я. Яко се завѣтъ мой, иже завѣщаю дому Израилеву по дньех онѣхъ, рече Господь: даю законы моя въ помышления ихъ и на сѣрдцѣхъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ, и ти будутъ мнѣ в люди". [78] И паки тѣ же Еремѣя рече: „Тако глаголетъ Господь Вседержитель: станете на путехъ и видите, и въпросите на стеца Господня правыя и вѣчныя, и видите, которыи путь истинныи, и ходите по нему, и обрящете очищение душамъ вашимъ. И рѣша: не идемъ. Поставихъ въ васъ блюстителя: послушайте гласа трубы. И рѣша: не слушаемъ. Сего ради услышать языци, пасущей стада в нихъ. И тѣгда слыши земле: се азъ навожю на люди си зло, плодъ отвращения ихъ, зане словесъ пророкъ моихъ не вняша и законъ отринуша". [79] Не токмо же сими едиными скажу, яко законъ престаеть, но инѣми многыми винами, от пророкъ явѣ». Отвѣщаша к нему иудѣи: «Всякъ жидовинъ се вѣсть воистину, яко будетъ тако. Нъ не уже время пришло есть о помазанѣмъ». Философъ же рече къ нимъ: «Что си предлагаете, видяще, яко и Ерусалимъ скрушенъ есть, жертвы престалы суть, и все ся есть сбыло, еже суть пророци прорекли о вас? Малахия бо явѣ вопиеть: „Нѣсть моя воля въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы от рукъ ваших не приемлю. Зане от вѣстокъ солнца и до запада имя мое славится в языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ темьянъ приноситься имени моему и жертва чиста, зане велико имя мое въ языцѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель"». [80] Они же отвѣщаша: «Се, еже глаголеши. Вси языци хотять быти благословени у нас и обрѣзании въ градѣ Ерусалимѣстѣ». Рече же Философъ: «Тако Моисѣи глаголетъ: „Аще слушающе, послушаетъ по всему хранити законъ, будутъ придѣли ваша от моря Черьмнаго до моря Филистимьска, и от пустыня до рѣкы Ефранта".[81] А мы языци, о немже о сѣмени Аврамли благословимся, и от Есѣова корене ишедшим и чаянии языкъ наречень и свѣтъ всея земля и всѣхъ островъ, славою Божию просвѣщенѣ, не по тому закону, ни мѣсту. Пророци велми въпиють. Рече бо

Захария: „Радуися зѣло, дъщи Сионова! Се цесарь твои грядеть кротокъ, всѣдъ на жрѣбець осель, сынъ яремничъ. И паки потрѣбитъ оружие от Ефрѣма, и конь от Ерусалима, изъглаголетъ миръ языкомъ, и власть *его* от край земля до коньца вселения". [82] Ияковъ же рече: „Не оскудѣеть князь от Июды, ни игумень от стегну его, дондеже придетъ емуже ся шадить", [83] — и ть чаяние языкомъ. Си вся видяще скончана и свѣршена, кого иного жьдете? Даниль бо рече, от ангела научень: „70 недель до Христа игумена, еже есть четыриста и девять десятъ лѣт запечатлѣти видѣние и пророчество". [84] Кое же ли вы ся мнить желѣзное царство, [85] еже Даниль мнить во иконѣ?» Отвѣщаша они: «Римское». Философъ же въпроси я: «Камень, уторгыися от горы без рукъ чьловечьскъ, [86] кто есть?» Отвѣщаша они: «Помазаный». Паки же ркоша: «То аще сего сказаемъ пророки и инѣми вещьми уже пришедша, якоже глаголеши, како римское царство доселѣ держитъ царство?» Отвѣща Философъ: «Не держитъся уже, мимошло бо есть, яко и прочая по образу иконьному. Наше бо царство нѣсть римско, нѣ Христово. Якоже рече пророкъ: „Въздвигнетъ Богъ небесный царство, еже въ вѣкы не истлѣеть, и цесарство его людемъ инѣмъ не оставитъся, истънитъ и извѣтъ вся царства, и ть станеть въ вѣкы". [87] Не кръстьянско ли есть царство нынѣ Христовымъ именовъ нарѣчаемо, а римлянѣ идолѣхъ прилежаху. Сии же ово от сего, ово от иного языка и племени въ Христово имя царствуютъ, якоже пророкъ Исаия, являя, глаголя къ вамъ: „Оставите имя ваше в сытость избранымъ моимъ; вас же избьетъ Господь, а работающѣи ему наречеться имя ново, еже благословено будетъ по всеи землѣ, благословятъ бо Бога истиньнаго, и кленущиися на землѣ — кленутся Богомъ небеснымъ". [88] Не свѣршило ли ся все пророческое проречение? Уже явѣ реченая о Христѣ. Исаия бо съказаетъ рождество его от дѣвы, глаголя сице: „Се, дѣва въ чревѣ приметъ и родить сынъ, и наркутъ имя ему Еммануиль, еже есть сказаемо: с нами Богъ". [89] А Михѣя рече: „И ты, Вифлеоме, земле Июдова, никакоже менши бываи въ владыкахъ Июдовахъ, и ис тебе бо ми изиидеть игумень, иже упасеть люди моя Израиля, исходи его искони от дънии вѣка. Сего ради дасть я до времени ражающая и родити". [90] Иеремия же: „Въпросите и видите, аще родить мужескъ полъ? Яко великъ днь ть, якоже не бысть инъ; и лѣто тѣсно будетъ Иякову, и от сего спасеться". [91] И Исаия рече: „Преже даже болящия не роди, и преже даже не приде рождество, болезни избѣжа, и роди мужескъ полъ"». [92] Паки же июдѣи рѣша: «Мы есмь от Сима благословеное сѣмя, благословени отцемъ нашимъ Ноемъ, вы же нѣсте». Сказавъ же имъ о семъ и рече: «Благословение отца вашего *ино* ничтоже нѣсть, токмо хвала Богу, оного же ничтоже убо не идеть. Се убо есты „Благословень Господь Богъ Симовъ", [93] а къ Афету глагола, от негоже мы есмь: „Да распространить Богъ Иафета, да ся вселить в села Симова"». [94] И от пророкъ же и от инѣхъ книгъ сказая, не остави ихъ, дондоже сами рѣша, яко: «Тако есть, якоже глаголеши». Ркоша же паки: «Како вы, имуще упование на чьловека и творитесь благословени быти, а кънигы проклинаятъ таковаго?» Отвѣща Философъ: «То проклять ли есть Давидъ или благословень?» Рекоша же они: «И зѣло благословень». Философъ же рече: «То и мы на того уповаемъ, на негоже и онъ. Рече бо въ псалмехъ: „Ибо чьловекъ мира моего, на нѣже уповахъ". [95] Чьловекъ же то есть Христось Богъ. А иже уповаеть на простъ чьловекъ, то мы и того проклята творимъ».

Паки же ину притцю предложиса, глаголюще: «Како вы кръстьянѣ обрѣзание отмещете, а Христу не отвергшю его, нѣ по закону скончавшю?» Отвѣща Философъ: «Иже бо рече пьрвие къ Авраму: „Се буди знамение межю тобою и мною", [96] — ть и

свершити е пришедь. И от того державше до сего. А прочее не дасть ему мимоити, нъ крещение намъ подасть». Ркоша же они: «Тъ что ради инии пръвии угодиша Богу, того знаменія не приимше, нъ Аврамле». Отвѣща Философъ: «Никоторыиже бо от тѣхъ является двѣ женѣ имѣвъ, нъ токмо Аврамъ. И сего ради уда того урѣзаемъ, предѣль дая не преступати его дале, нъ по первому сверстию Адамову образъ дая прочимъ во тѣ ходити. Иякову бо такоже створи: утерпль жилу стегна его, [97] зане четыри жены поять. Разумѣвъше же вину, еяже ради то ему створи, нарече имя ему Израиль, сирѣчь „умомъ зря Бога“. [98] К тому бо не является примешься к женѣ. Аврамъ же того не разумѣ». Паки же въпросиша и июдѣи: «Како вы идоломъ ся кланяюще, творитесь Богу угажати?» Отвѣща Философъ: «Первое ся научите раздѣляти имена, что есть икона и что есть идолъ. И тако смотряще, не поступаите на крестьяны. Десять бо именъ въ вашемъ языцѣ о семь образѣ лежить. Въпрошу же вы и азъ. Образъ ли скиния, юже видѣ въ горѣ Моиси и изнесе, или образъ образа художествомъ сдѣла, прикладомъ образъ, клины, и усмы, и серестьми, и хѣровимы изрядныи. [99] Понеже бо тако створи, наречемъ ли вы того ради дрѣву, и усъмомъ, и серьстемъ чьсть творити и кланятися, а не Богу, давъшюуму в то время так образъ? Такоже и о Соломонѣ церкви, понеже иконы хѣровимьскы и ангельскы и инѣхъ многы образы имяше. Такоже убо и мы кръстьяне, *угожьших* Богу творяще образъ, и чьсть дѣемъ, отдѣляюще доброе от дѣмоньскыхъ образъ. Хулять бо книги жрущая сыны своя и дщери своя и гнѣвъ Божию проповѣдаютъ; такоже другыя хвалять, жрущая сыны своя и дщери». Ркоша же паки июдѣи: «Како вы свинину и заячину ядуше, не противитесь Богу?» Отвѣща же к нимъ: «Первому завѣту заповѣдающа вся снѣсте, яко зелье травное: вся бо чистая чистымъ суть; а сквернымъ и свѣсть ся осквернила. [100] И Богъ бо въ твари глаголетъ: „Се вся добра зѣло“, [101] — вашего ради лакомства мало и етеро от нихъ отгъять. „Снѣсте бо, — рече, — Ияковъ и насытися, и отвержеся възлюбленыи“. [102] И паки: „Сѣдоша людие ясти и пити, вѣсташа играть“». [103]

От многа же мы се украчъше в малѣ положихомъ селико памяти ради. А иже хочеть свершеныхъ бесѣдъ сихъ и святыхъ искати въ книгахъ его, обрящеть я, еже прѣложи учитель наш архиепископъ Мефодий, раздѣли е на *осмь* словесъ. [104] И ту узритъ словесную силу от Божия благодѣти, яко и пламень полящъ на противныя.

Си же вся каганъ козарьскъ съ началными мужи добрая и подобная его слышавше словеса, ркоша к нему: «Богомъ еси посланъ сѣмо на създание наше и вся книги от него умѣши. Все еси по чину глаголашь, досыти наслажь вся ны медвенныя сладости словесы святыхъ книгъ. Нъ мы есмъ некнижна чада, сему же вѣру имемъ, яко тако есть от Бога. Паче же аще хоцещи покои обрѣсти душам нашимъ, всяко исправль притѣчами, скажи намъ по чину, егоже у тебе въпрашаемъ». Такоже ся разидоша почитъ.

Въ другыи же днь сбравшеся, ркоша ему, глаголюще: «Скажи намъ, чьстныи мужу, притѣчами умомъ вѣру, якоже есть лучши всѣхъ». И отвѣща имъ Философъ: «Дѣва мальжена бѣста у царя етера въ чьсти велицѣ и любима зѣло. Съгрѣшьшема же има, изгнавъ я от земля посла. [105] Живущема же многа лѣт тамо, дѣти створиста в нищетѣ. Сбирающе же ся дѣти к собѣ, совѣтъ творяху, кымъ ся бы путемъ паки вмѣстити в пьрвыи чинъ. Овъ же ихъ сиче глагола, а другыи инако, а другыи другояко. Совѣтъ дѣяху, которому совѣту убо достоит быти, не добрѣшуму ли?» Ркоша же они: «Что ради сиче глаголеши? Свои бо каждо сѣвѣтъ добрѣи творить иного. Июдѣи бо свои добрѣи творять *и срацини такожде, и вы такожде*, а инѣи инъ. Скажи же, которыи разумеемъ добрѣи от сихъ?» Рече же Философъ: «Огнь искушаетъ злато и сребро, а чьлоовекъ лжю

умомъ отсѣкаетъ от истины. Ръцѣте же ми, отчего бысть первое отпадение, не от видѣния ли и плода сладкаго и похоти на божество?» Они же ркоша: «Тако есть». Философъ же рече: «Тъ аще кому будетъ пакость, медъ ядышо ли студену воду пивше, пришедъ же врачъ глаголетъ ему: „И еще много медъ ѣдъ, ицѣлѣши“; а иже будетъ воду пилъ, тому глаголетъ: „Студеная воды напився, нагъ на мразѣ ставъ, ицѣлѣши“. Другыи же врачъ не тако глаголетъ, нъ противно врачество заповѣдаетъ: въ меду мѣсто горкое пиюще, поститися, а въ студенаго мѣсто теплое, грѣющеся. Которыи убо от обою хытрѣе врачуютъ?» Отвѣщаша вси: «Иже противная врачества заповѣдаетъ. Горестью бо жития сего похотную сласть достоитъ умертвити и смиренiemъ гордость, противнымъ противная врачующе. И мы бо глаголемъ, яко дрѣво, еже първое тернь створить, то послѣди сладокъ плодъ приплодитъ». Паки же отвѣща Философъ: «Добрѣ рекосте. Христовъ бо законъ остроту являетъ Божия жития, потомъ же въ вѣчныхъ жилищихъ 100-кратицею плодъ приносить».

Единъ же от нихъ свѣтникъ, срачиньску злобу всю добрѣ вѣдыи, въпроси Философа: «Рци ми, гости, како вы Махъмета не держите? Тъ бо есть велми Христа похвалилъ въ своихъ книгахъ, глаголя, яко от девы ся родиль, сестры Моисѣовы, пророкъ зелии: мертвыя въскрѣшалъ и всяку язю ицѣлилъ силою великою». [106] Отвѣща Философъ к нему: «Да судить нас каганъ. Глаголи же, аще пророкъ есть Махъметъ, како имемъ Данилу вѣру? Онъ бо рече: „До Христа всяко видѣние и пророчество прѣстанеть“. [107] Съ же по Христе являся, како можетъ пророкъ быти? Аще бо того пророка наречемъ, то Данила отвержемъ». Рекоша же мнози от нихъ: «Данилъ, еже есть глаголалъ, Божиимъ духомъ есть глаголалъ, а Махмета же вси вѣмъ, яко ложъ есть и пагубникъ спасению всѣхъ, иже есть добрѣишая бляди своя на злобу и студодѣяние изблялъ». Рече же първыи свѣтникъ от нихъ къ приятелемъ жидовьскимъ: «Божиею помощию гость сии всю гордыню срачиньскую съверже на землю, а вашу на онъ полъ прѣверже яко съкверну». Рекоша же къ всѣмъ людемъ: «Яко же есть далъ Богъ власть надъ всѣми языки цесарю кръстьянску и мудрость свѣршену, тако и вѣру в них. И кромѣ ея никтоже не можетъ живота вѣчнаго жити. Богу же слава въ вѣкы». И рекоша вси: «Аминь».

И рече Философъ къ всѣмъ съ слезами: «Братъе и отци, и друзи, и чада! Се Богъ дасть всякъ разумъ и отвѣтъ достоинъ. Аще ли есть и еще кѣто противяся, да придетъ и прѣприть или прѣпърѣнъ будетъ. Иже послушаетъ сего, да ся кръститъ во имя Святыя Троица. Иже ли не хочеть, азъ кромѣ есмь всякого грѣха, а онъ узритъ въ днь судный, егда сядеть судиа ветхыи дньми [108] судити всѣмъ языкомъ». Отвѣщаша они: «Нѣсмъ мы собѣ вразѣ. Нъ помалу, иже можетъ, тако велимъ, да ся кръститъ волею, иже хочеть, от сего дни. А иже от васъ на западъ кланяется ли жидовьскы молитвы творить, ли срачиньску вѣру держитъ — скоро съмъртъ прииметь от насъ». И тако разидошася с радостью.

Кръсти же ся от сихъ до 200 чади, отвергъшася мерзости поганьскыхъ и женитвъ незаконныхъ. Написа же къ цесарю книги каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа кръстьянску вѣру, словомъ и вещьми Святую Троицу. И увѣдѣхомъ, яко то есть истая вѣра, и повелехомъ кръститися своею волею. Надѣющеся и мы доспѣти того же. Есме же мы вси друзи и приятелѣ твоему царству и готови на службу твою, яможе хочещи».

Проважая же Философа, каганъ нача ему дары многы даяти. И не приять их, глаголя: «Даже ми, елико имаеши плененыхъ грекъ сдѣ. То ми есть боле всѣхъ даровъ». Сбравше же ихъ до двоюдесяту и вдаша ему. И иде, радуяся, на путь свои.

Дошедше же безводныхъ мѣсть пусть, жажѣ не можаху терпѣти. Обрѣтъше же въ слотинѣ водицю, не можаху от нея пити, бяше бо яко золчь. Рашедъшемъ же ся имъ всѣмъ искать воды, и рече к Мефодью, брату своему: «Не терплю уже жажѣ, да почерпи убо водѣ сея. Иже бо пѣрвие прѣложи израилтомъ горкую воду въ сладкую, [109] тѣи иматъ и намъ утѣху створити». Почерпъше же, обрѣтоста ю сладку, яко и медвену, и студену. Пивша же, прослависта Бога, творящаго таковая своимъ рабомъ.

Въ Корсунѣ же вечеряя съ архиепископомъ, рече Философъ к нему: «Створи ми, отце, молитву, яко же ми бѣ отецъ мои створилъ». Въпрошьшемъ же егеромъ особъ, что ради се створи, отвѣща Философъ: «Вѣистину от нас отъидеть утро къ Господу, оставлены». Еже и бысть словесѣ ся събывшу.

Бяше же в Фульстѣ языцѣ [110] дубъ великъ, срослься съ чрешнею, подъ нимъ требы дѣяху, нарѣчающе именемъ Александръ. [111] Женьску полу не дающе приступати к нему, ни къ трѣбамъ. Услышавъ же то, Философъ не лѣнися трудити до нихъ. Ставъ посредѣ ихъ и рече к нимъ: «*Елини* суть въ вѣчную муку шли, кланявшесе небу и земли яко богу, такой велицѣи, добрѣи твари. То же и вы, иже ся дрѣву кланяете, худѣи вещи, еже есть готово на огнь, како имате избыти вѣчнаго огня?» Отвѣщаша они: «Мы сего нѣсмъ начали нынѣ творити, нѣ от отецъ есмъ приалѣ. И от того обрѣтаемъ вся прошения наша: дождгъ же *наипаче* наидеть многъ. И како мы се створимъ, егоже нѣсть дързнулъ никтоже створити от насъ. Аще бо и дерзнетъ кто створити се, тѣгда же смърть узритъ, и не имамъ к тому дождгя видѣти до концины». Отвѣща к нимъ Философъ: «Богъ о васъ въ книгахъ глаголетъ, а вы како ся его отмещете? Исаия бо от лица Господня вопиеть, глаголя: „Гряду азъ събрати вся племена и языки, и придуть и узрять славу мою. И поставлю на нихъ знамение и послю от нихъ спасенныя въ языки: в Тарсисъ и Фуль, и Лудъ, и Мосохъ, и Тевель, и въ Еладу, и въ острова далняя, иже не суть слышали моего имени, и възвѣстятъ славу мою въ языцѣхъ". [112] Глаголетъ Господь Вседержитель и паки се: „Азъ послю рыбитвы и ловча многы — и от холмъ, и скаль камяныхъ изловятъ вы". [113] Познаите, братье, Бога, створшаго вы. Се евангелье новаго завета Божие, в неже ся есте крѣстили».

Такоже сладкими словесы углаголавъ, повелѣ имъ посѣчи древо и съжещи е. Поклонъ же ся старѣшина ихъ, шедъ, лобыза Евангелье, такоже и вси. Свѣща же бѣлы приемше от Философа, поюще идоша къ древу. И вземъ секиру Философъ 30 и трижды удари и повелѣ всѣмъ сѣщи ис корения и съжещи е. В ту же ноцъ дождъ бысть от Бога. И с радостию великою похвалиша Бога. И веселися Богъ о семъ зѣло.

Философъ же иде въ Цесарьградъ. И видѣвъ цесаря, живяше без мълвы, Бога моля, въ церкви Святыхъ Апостолъ сѣдя.

Есть же в святѣи Софѣи потиръ от драгаго каменя Соломоня дѣла, на немже суть писмена жидовьска и самарѣиска грани написана, ихъже никтоже не можаше ни почисти, ни сказати. Вземъ же ю Философъ почте и сказа: «Есть же сиче. Пѣрвая грань: „Чаша моя, чаша моя, прорицаи то: дондеже звѣзда, въ пиво буди Господи и пѣрвѣннюю, бѣдящую ноцию". По семъ же другую грань: „На вкушение Господне створена дрѣва иногo; пии, упиися веселиемъ и възпий Алѣлуиа". И по семъ третия грань: „И се князь их, узритъ весь

сънъмъ славу его, и Давидъ цесарь посредѣ ихъ". И по и семь число написано: девять сотъ и девятеро». Ращеть же е потоньку Философъ обрѣте от втораго на десять лѣта царства Соломона до царства Христова девятьсотъ и девять лѣт. [114] И се есть пророчество о Христѣ.

Чтение 4

Веселящю же ся о Бозѣ Философу, паки другая рѣчь приспѣ и трудъ не мнии пьрвыхъ.

Ростиславъ [115] бо моравьскыи князь, Богомъ устимъ, свѣтъ створъ съ князи и с моравляны, посла к цесарю Михаилу, глаголя: «Людемъ нашимъ поганьства ся отвергъшемъ и по кръстьяскъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такого, иже бы ны въ свои языкъ *истую* вѣру съказаль, да быша ины страны того зряще, уподобили намъ. Посли ны, владыко, епископа и учителя такого. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрыи законъ исходитъ».

Сбравъ же цесарь зборъ, призва Костянтина Философа и створи слышати рѣчь сию. И рече: «Философе, вѣмъ тя трудна суца, нъ достоинъ тобѣ тамо ити. Сея бо рѣчи не можетъ инъ никтоже исправити, якоже ты». Отвѣща Философъ: «И трудень сы тѣломъ и боленъ, радъ иду тамо, аще имуть буквы въ свои языкъ». Рече цесарь к нему: «Дѣдъ мои и отецъ мои, [116] и ини мнози, искавше того, не обрѣли того суть. То како азъ то могу обрѣсти?» Философъ же рече: «То кто можетъ на водѣ бесѣду написати или еретичьско имя собѣ обрѣсти?» Отвѣща ему паки цесарь, и съ Варьдою, уимъ своимъ: [117] «Аще ты хочещи, то можетъ Богъ тобѣ дати, иже даетъ всѣмъ, иже просятъ несумнѣниемъ, и отверзаеть толкущимъ». [118]

Шедъ же Философъ, по пьрвому обычаю на молитву ся наложи и с инѣми поспѣшники. Вскорѣ же ся ему Богъ яви, послушайа молитвы своихъ рабъ. И тѣгда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую: «Испьрва бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово» [119] и прочее.

Възвесели же ся цесарь, Бога прослави съ своими свѣтныи. И посла и съ дары многы, написавъ къ Ростиславу епистолию *сицеву*: «Богъ, иже велить всякому чьловѣку, дабы в разумъ истиньныи пришелъ и на большии ся чинъ стѣжилъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, створи и ныня в наша лѣта, явле буквы въ вашъ языкъ, егоже не бѣ давно было, токмо в первая лѣта, да и вы причтетеся великыхъ языцѣхъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви — мужа чьстна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И съ приимъ даръ болии и чьстнѣи паче всего злата и сребра и камня драгаго и богатства приходящаго. Подвигнися с нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ сьрдцемъ взискати Бога. И общаго спасения не отрини, нъ подвигни не лѣнитися, нъ ятися по истиньныи путь, да и ты, приведъ я подвигомъ своимъ в Божии разумъ, приимеши мьзду свою в того мѣсто въ сѣи вѣкъ и в будущи за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашъ отныня до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ подобно Костянтину [120] цесарю великому».

Дошедъшю же ему Моравы, с великою чьстью приять и Ростиславъ. И събравъ ученики, дасть я учити. Въскорѣ же ся весь церковьныи чинъ прѣложъ, научи я утрении и годинамъ, обѣдни и вечернѣи и павечерничѣ и таинѣи службѣ. И отверзошася по

пророчьскому словесѣ уши глухыхъ услышать книжная словеса, и языкъ яснѣ бысть гугнивымъ. [121] Богъ же ся възвесели о семь велми, а дьяволь постыдѣся.

Растущю же Божию учению, злыи завистникъ исперва дьяволь, не терпя сего добра, нѣ вшед въ своя съсуды, начать много въздвизати, глаголя имъ: «Не славиться Богъ о семь. Аще бо бы ему сиче годѣ было, не бы ли могль сътворити, дабы исперва писмены пишюше бесѣды своя, славили Бога? Но 3 языки есть токмо избралъ: еврѣискъ, греческъ и латынски, [122] имиже достоинъ Богу славу въздаяти». Бѣша же се глаголюще латиньстии и спручстии архиерѣи, [123] с иерѣи и ученицѣ. Сбравшесе с ними, яко Давидъ иноплемьники, книжьными словесы побѣжая, нарече я триязычники, яко Пилату тако написавшю на титлѣ Господни. [124] Не токмо же се едино глаголаху, нѣ иному бещинию учаху, глаголюще, яко подѣ землею живутъ чьловеци вельглави [125] и всѣ гадѣ дьяволя тварь есть. И аще кто убиеть змию, девяти грѣхъ избудеть того ради. [126] Аще чьловека убиеть кто, три мѣсяца да пиеть въ древянѣ паше, а стькляны ся не прикасаеть. [127] Не браняху жертвь творити по первому обычаю, ни женитвь бе-щисленыхъ. Все же се яко терние посѣкъ, словеснымъ огнемъ попали, глаголя: «Пожри Богови жертву хвалѣ и въздай же Вышьнему обѣты и молитвы твоя. [128] Жены же уности твоя не отпусти. Аще бо ю възненавидѣвъ пустиши, не покрывается нечьсть похоти твоя, глаголетъ Господь Вседержитель, сохранитеся духомъ вашимъ, и да не оставитъ къждо васъ жены уности своя. И сихъ, ихъже ненавидѣхъ, творясте, яко Богъ съвѣдѣтельствова межю тобою и межю женою уности твоя, юже еси оставилъ, н та обьщница твоя и жена завѣта твоего. [129] И въ Еуангельи Господа слышасте: „Яко речено есть дрѣвними: не сотвориши прелюбы“. Азь же глаголю вамъ, яко всякъ, иже възреть на жену похотѣти еи, уже прелюбы есть створилъ с нею сърдцемъ своимъ. И пакы глаголю вамъ, яко иже пустить жену свою развѣ словесѣ любодѣинаго, творить ю прѣлюбы дѣяти. Иже отпущеную от мужа поиметь, прѣлюбы дѣеть“. [130] Апостоль рече: „Яже есть Богъ съчталъ чьловека, да не разлучается“». [131]

Четьри же десять мѣсяца [132] створи въ Моравѣ, иде святить ученикъ своихъ. Прия же и Коцель князь *Паноньскъ*[133] и възлюби вельми словеньскы букъви и научися имъ. Въдавъ до 50 ученикъ учитися имъ. И велику ему чьсть створи, мимо проводи. И не взять же ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата, ни сребра, ни иноя вещи, положъ евангѣльское слово, нѣ токмо пленьники испрошь от обою девять сотъ и отпусти я.

Чьтynie 5

Бнятьчихъ [134] же бывшю ему, сбращася на нь пискупи, попове и черноризци, яко вранѣ на соколь, въздвигоша триязыщную ересь, глаголюще: «Чьловеце, скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словенемъ книги и учиши я? Ихъже нѣсть никтоже инъ пьрвое обрѣлъ: ни апостоли, ни римьскыи папежь, ни Диалогъ [135] Григории, ни Еронимъ, [136] ни Августимъ. [137] Мы же три языки токмо вѣмъ, имиже достоинъ въ книгахъ славити Бога: евреискъ, елинескъ, латинескъ». Отвѣща Философъ к нимъ: «Не идетъ ли дождь от Бога равно на вся, ни ли солнце такоже не сияеть ли на вся, [138] ни ли дыхаемъ на облакъ равно вси? То како вы ся не стыдите, 3 языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпомъ веляще быти и глухомъ, скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего *дати, или завистлива, не хотяща* дати? Мы же многы роды знаемъ, книги умѣюче, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си:

ормѣни, пѣрси, авазги, иверие, сугди, готи, обѣре, турьси, козаре, аравлане, егуптянѣ, сури, ини мнози. [139] Аще ли не хочете от сихъ разумѣти, поне от книгъ познайте судию. Давидъ бо вопиеть, глаголя: „Поите Господеви, вся земля! Поите и възвеселитесь и възпоите!" [140] Другояко: „Вся земля да поклонится и поеть тебе. Да поють же имени твоему вышнии". [141] И паки: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людие. И всяко дыхание да хвалите Господа". [142] Въ Еуангелъи же глаголетъ: „Еликоже есть прияло ихъ, дасть имъ область, да чада Божия будутъ". [143] И паки тѣ же: „Не о сихъ бо въпрошаю токмо, нѣ и о вѣрующихъ словомъ ихъ въ мя. Да вси едино будутъ, якоже и ты, Отце, во мнѣ и азъ в тебе". [144] Матфѣи бо рече: „Дана ми есть всяка власть на небесѣ и на земли. Шѣдѣше убо научите вся языки, крѣстя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я хранити вся, елико заповѣдалъ есмь вамъ. И се азъ с вами есмь вся дѣни до скончания вѣка. Аминь". [145] А Марк паки глаголетъ: „Шѣдѣше въ весь миръ, проповѣдите Еуангелъе всеи твари. Вѣровавыи, крыщеся, спасетсся, а невѣровавыи осудитсся. Знаменія же повѣровавшихъ поидуть си: именемъ моимъ бѣсы ижденуть, языкъ възглаголють новы". [146] Глаголемъ то же к вамъ: „Горе вамъ, кнѣи҃гѣчїя, фарисѣи, ипокриты, яко затваряете цесарство небѣсное прѣд чловеки. Вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете внити". [147] И паки: „Горе вамъ, кнѣи҃гѣчїя, яко взясте ключъ разумныи: нѣ сами не внидете и хотящимъ внити възбранисте". [148] Къ кореньфѣомъ же Павель рече: „Хощю, да вси языки глаголете, паче же да проричаете, болии убо проричая, нежели глаголя языки, развѣ аще не сказаеть да церкви създание приметъ. Нынѣ же, братѣе, аще приду к вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу створю, аще вамъ не възглаголю или откровениемъ, ли разумомъ, или пророчствомъ, ли учениемъ? Обаче бездушень глас дающе аще ли пищали, аще ли гусли, аще разнествия гласомъ не дасте — како разумѣтсся сопомое ли или гуденое? Ибо аще безвѣстенъ глас труба дасть, кто уготоваетсся на брань? Тако и вы языкомъ аще неразумна словеса дасте, како разумно будетъ глаголемое? Буде бо въ аерь глаголюще. Толико убо аще ся ключить родъ гласныхъ въ весь миръ, и ни единъ же ихъ безгласень. Аще убо не вѣмъ силы гласу, то будутъ *глаголющему* ми варваръ и глаголяи мнѣ варваръ. Тако и вы, понеже ревнителѣ есте духовнымъ къ създанию церкви, просите, да вы избываетъ. Тѣм же глаголяи языкомъ молитсся да скажетъ ти. Аще бо языкомъ молитву дѣя, то духомъ молитсся, а умомъ бес плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ — помолюся умомъ, спою духомъ — спою же и умомъ. Аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто неразумнаго, како речеть «аминь» по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добрѣ хвалиши, нѣ другыи не зижетсся. Хвалю Бога моего о всѣхъ насъ, паче же языки глаголю. Нѣ въ церкви хощю 5 словесъ умомъ своимъ глаголати, да ины научю, а не еже тѣму словесъ языкомъ. Братие! не дѣти бываите умы, но злобою же младеньствуите, умы же свѣршенѣ будете. В законѣ пишеть: «яко иноязыщници ихъ устнами инѣми възглаголю людемъ симъ, и тако не послушаютъ мене, глаголетъ Господь». Тѣм же языци въ знаменіе невѣрнымъ суть, а пророчество не невѣрнымъ, нѣ вѣрующимъ. Аще бо снидетсся церкви вся вкупѣ, и вси глаголють языки, внидеть же неразумивъ или невѣренъ, — не рчетъ ли, яко зѣли ся дѣете? Аще ли вси пророчествуютъ, внидеть же инъ невѣренъ и неразумивъ, обличаетсся предъ всѣми, вѣстязаетсся от всѣхъ. И тайная сердца его явѣ бываетъ, и тако падеть ницъ и поклонитсся Богу, повѣдая: «Вѣистину Богъ въ васъ есть». Что убо есть, братѣе? Егда сходитсся къждо васъ, псалмы имѣете, учение имѣете, явление имѣете, языкъ имѣете, сказаніе имѣете — вся же къ създанию да бывають. Аще ли языкомъ кто глаголетъ — по

двѣма или зѣло по тремъ и по части, единъ сказаетъ. Аще ли не будетъ глагольника, да молчить въ церкви, собѣ же да глаголетъ и Богу. Пророци же два или трие да глаголють, а друзии да говорятъ. Аще ли иному явиться сидящу, първыи да молчить. Могутъ бо по единому вси пророчествовати, да вси учаться, и вси утѣшаются. И *дуси пророчестии* пророкомъ повинуются. Нѣсть бо нестроению Богъ, нѣ миру". [149] Господня бо заповѣдь есть: „Аще кто не разумѣеть — да учится". [150] Тѣм же, братъе, рѣвнуйте пророчанию и не браните глаголати языки. Вся же благовѣрно по чину да бывають». [151] И пакы глаголетъ: «Всякъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу Отцю. [152] Аминь». Сими же словесы и инѣми и болше посрамль я, оставле.

Увѣдѣвъ же римскыи папежь, [153] посла по нь. Дошедъшу же ему Рима, изиде самъ апостоликъ [154] Андриянь [155] противу ему съ всеми гражаны, свѣща несущи, увѣдѣвши, яко несутъ мощи святаго Климента мученика и папежа римскаго. И тѣгда Богъ чудеса нача творити: ослабленъ же чловекъ ту ицѣлѣ, а ини мнози различныхъ недугъ избыша. Тако же и плененѣи пленшихъ я, нарекъше память святаго Климента, избыша.

Приим же папежь книги словенскыя, освяти и положи я въ церкви святаго Мариа, яже ся наричають Фатанъ, [156] пѣша же над нимъ литургию. И по семь повелѣ папежь двѣма епископомъ Фурьмосу [157] и Гоидриху [158] святити словенскыя ученикы. Яко я святиша, тѣгда пѣша литургию въ церкви святаго Петра [159] словенскымъ языкомъ. И въ другыи днь пѣша въ церкви святаго *Петрунилы*. [160] И въ 3 днь въ церкви святаго Андрѣя, [161] и оттуду пакы у великаго учителя язычскаго Павла апостола в церкви [162] в ноци пиша святую литургию словенскы надъ святымъ гробомъ, имѣюще на помощь Арсѣния епископа, единого суца от седми епискупъ, [163] и Настаса [164] вивлотикаря.

Философъ же съ своими ученикы не престаяше достойную хвалу Богу въздая о семь. Римлянѣ же не престаяху идущи к нему, въпрашающе о всемъ. И сказание сугубъ и трыубъ приимаху от него.

Жидовинъ же етеръ, такоже приходя, съязашеся с нимъ и рече ему единою: «Нѣсть уже не пришелъ Христосъ по числу лѣтъному, о немже глаголють книги и пророцы, яко от девы ся есть родити». [165] Почть же ему Философъ вся лѣта от Адама по роду, сказа ему потонку, яко пришелъ есть, и селико лѣтъ есть от толѣ до селѣ. И научивы и, отпусти.

Постигъшемъ же многимъ трудомъ, болѣти нача. И тепящю ему язю болезненую многы дни, единою видѣвъ Божие явление, начатъ пѣти сиче: «О рекшихъ къ мнѣ: „Идемъ въ дворы Господня" възвеселися духъ мои, и сердце обрадовася». [166] Облѣкъ же ся въ чьстныя своя ризы тако прѣбысть весь днь, веселяся и глаголя: «Отселѣ нѣсмь азъ ни цесарю слуга, ни иному никомуже на землѣ, нѣ токмо Богу Вседержителю бѣхъ и есмь въ вѣкы. Аминь».

Въ утрѣи же днь въ святаи чьрньчскыи образъ оболкъся и свѣт къ свѣту приимъ и имя си нарече Кюриль. [167] В томъ же образѣ пребысть 50 днии. [168] И яко приближися година, да покои приимъ, прѣставитъся на вѣчную жизнь, и въздвигъ къ Богу руцѣ свои и створи молитву, слезами сиче глаголя: «Господи Боже мои, иже еси ангельская вся чины и бесплотныя съставль силы, небо распнь и землю основаль, и вся суца от небытя в бытѣ приведъ, иже еси всегда весдѣ послушалъ творящихъ волю, боящихся тебе и хранящихъ заповѣди твоя. Послушай моя молитвы и вѣрное твое стадо схрани, емуже мя бѣ преставилъ, неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя вся от всякоя безбожныя и поганьскыя злобы и от всякого многорѣчиваго имени и хулнаго

еретическа языка, глаголющаго на тя хулу. Погуби триязычную ересь и въздрати церковь свою множествомъ, и вся въ единомышье съвокупле. Створи изрядны люди, единомысляща о истиннѣи вѣрѣ твоеи правѣмъ исповѣданьи, въздохни же въ сердца ихъ слово твоего учения. Твои бо есть даръ, аще ны еси прия недостойныя на проповѣдание еуангелья Христа твоего. Остриающаяся на добрая дѣла, творяще угодная тобѣ, еже мнѣ бѣ даль, яко твое тобѣ предаю. Устрои я силою твоею и десницею, покрывая кровомъ крилу твоею, [169] да всяко хвалятъ и славятъ имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣкы. Аминь». Лобызавъ же вся святымъ лобзаниемъ, и рече: «Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ в ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, нъ сѣтъ ихъ скрушися, и избави ны [170] от истлѣния». И тако почи о Господѣ, бывъ 42 лѣтъ, въ 14 днь мѣсяца февраля, въ индиктъ 2, от твари всего мира 6000 и 300 и 70 и 7 лѣтъ. [171]

Повелѣ же апостоликъ всѣмъ грѣкомъ, иже бяху в Римѣ, тако и римляномъ, съ свѣщами съшедъшеся, пѣти надъ нимъ, створити провожение ему, якоже самому папежю створили. То же и створиша.

Мефодии же брат его въпроси апостолика, глаголя, яко: «Мати ны есть заклѣла, да иже наю пьрвѣе на судъ идетъ, да прѣнесетъ брат въ свои монастырь [172] и ту и погребетъ». Повелѣ же папежъ вложити и в раку и забити и гвозды желѣзны. И тако держа и 7 днии, готовя и на путь. Рекоша же къ апостолику римьстии пискупы: «Понеже есть Богъ, по многимъ землямъ хожьша, привелъ и сѣмо и сдѣ дуцю его изялъ — сдѣ ему достоить лежати яко чьстьну мужю». Рече же апостоликъ: «То за святыну его и любовь римьскыи обычаи прѣступле, погребу и в моемъ гробѣ въ церкви святаго апостола Петра». Отвѣща же братъ его: «Понеже мене не послушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да ляжетъ въ церкви святаго Климента, [173] с нимъже есть сѣмо пришель». Повелѣ же апуостоликъ тако створити.

И паки сбравшемъся епископомъ всѣмъ и чернецемъ и всѣмъ людемъ проводити и чьстно. Хотяще же положити и, рекоша епископы: «Отгвождьше раку, видимъ, аще есть цѣль, еда есть что взято от него». И тружьшеся много, не могоша отгвоздити раку по Божию повелѣнью.

И тако с ракою положиша и въ гробъ о десную страну олтаря въ церкви святаго Климента, идеже начаша тьгда многа чюдеса бывати, еже видѣвше римлянѣ боле ся прѣложиша святыни его и чьсти. Написавъ же икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимъ днь и ношь, [174] хваляще Бога, прославляющаго тако же славятъ. Тому бо есть слава въ вѣкы. Аминь.

ПЕРЕВОД ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Господи, благослови, Отче.

Щедрый и милостивый Бог, желая, чтобы покаялись люди и дабы все были спасены и пришли к пониманию истины, ибо не хочет смерти грешников, но <их> покаения и жизни, даже и тех, кто особенно склонен ко злу, и не позволяет роду человеческому отпасть <от Бога> в озлоблении и прийти в дьявольский соблазн и погибнуть. И во все

годы и времена не перестает творить нам много благодеяний, как от начала, так и доньше. Сначала через патриархов и святых отцов, после них через пророков, затем через апостолов и мучеников, и праведных мужей, и учителей, избирая их в многосуетной сей жизни. Ибо Господь знает своих, тех, кто <предан> ему, как он и сказал: «Овцы мои слушаются голоса моего, и я знаю их и призываю их по именам, и они идут за мною, и я даю им жизнь вечную».

Что и сотворил <он> в наше время, поставил нам такого учителя, который просветил наш народ, омрачивший слабостью ум свой, а больше же дьявольским искушением, не хотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие же его являет, <пусть> и вкратце рассказанное, как это было, дабы тот, кто, услышав это, захочет уподобиться ему, был бодр, отменяя леность. И как сказал апостол: «Будьте подражателями мне, как я — Христу».

В граде Солуни жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семь отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш. Когда родила его мать, то отдала его кормилице, чтобы вскормила его. Ребенок же никак не хотел принимать чужую грудь, а только материнскую до тех пор, пока не был вскормлен. Было же это по Божиему усмотрению, чтобы добрый побег доброго корня неоскверненным молоком вскормлен был.

Потом же добродетельные родители решили воздерживаться от плотского общения. Так и жили по заповеди Божией четырнадцать лет как брат и сестра, пока не разлучила их смерть, никогда не нарушив своего решения. Когда же отец собрался отойти на Суд, плакала мать отрока, говоря: «Не забочусь ни о чем, только о ребенке одном этом, как он будет устроен». Он же отвечал ей: «Верь мне, жена. Надеюсь на Бога, что даст ему Бог отца и устроителя такого, который благоустроит всех христиан». Что и сбылось.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: “Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество”. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: “Ты сестра моя” и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников из-за хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его — как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направлюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть

книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям <Григория>, то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знающий грамматику. И придя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя <его воле>, говоря: «О человек, сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, который словом сотворил все и премудростью своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно тебе, я спасся. Я раб твой и сын рабыни твоей». И потом произнес до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному <лишь> из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем <способность> к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым <своим> умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподавал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему <логофет>: «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее — вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой

почести и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал: «Этот юный философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили.

Очень же немного с ними побыв, пошел он к Узкому морю и тайно скрылся в монастыре. И искали его шесть месяцев и с трудом нашли, но не могли принудить вернуться на ту службу. Но упростили его принять место учителя и учить философии местных жителей и пришельцев, с соответствующей должностью и оплатой. И за это он взялся.

<Тогда> же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» Философ же ответил ему: «Не людского придерживайся обычая, но Божиих заповедей. Посмотри, как ты из земли, а душа Богом создана, так и мы все. И на землю глядя, не гордись, человек, умением спорить». Вновь отвечал Анний: «Не подобает ни осенью цветов искать, ни старца на войну гнать как юношу некоего». Философ же отвечал ему: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» И ответил он: «В старости». Философ же спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Сказал тот: «На духовную». Философ же отвечал: «<Тогда> ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним». Посрамившись же так, старец повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, <и> если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Философ же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал старец: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Философ же отвечал: «Всякий крест подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика». Старец же сказал: «Бог сказал Моисею: “Не сотвори всякого подобия”. Как же вы, сотворяя, поклоняетесь им?» Философ на это отвечал: «Если бы ты сказал: “Не сотвори никакого подобия”, — то верно вел бы спор. Но ты сказал: не <сотвори> “всякого”, то есть <и> “достойного”». На это ничего не смог ответить старец и, посрамленный, умолк.

Чтение второе

После этого агаряне, называемые сарацинами, возвели хулу на божественное единство Святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, думая, что Бог един, разделяете его опять на три части, говоря, что есть Отец и Сын и Святой Дух? Если можете рассказать точно, пошлите людей, которые бы смогли говорить об этом и переспорить нас». Было же тогда Философу двадцать четыре года. Собрал царь собор, призвал его и сказал ему:

«Слышал ли ты, философ, что говорят скверные агаряне о нашей вере? Так как ты Святой Троицы слуга и ученик, то пойдя, противься им. И Бог, свершитель всякого дела, в Троице славимый Отец и Сын и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу в словах, и явит тебя как нового Давида на Голиафа с тремя камнями, и победившим возвратит тебя к нам, сподобив небесному царству». Услышав это, отвечал Философ: «С радостью пойду за христианскую веру. Что для меня слаще на этом свете, чем за Святую Троицу и жить и умереть». И приставив к нему асикрета Георгия, послали <их в путь>.

Дойдя же туда, <увидели что> на дверях у всех христиан образы демонские были нарисованы для позора и поругания. И спросили <агаряне> Философа, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Демонские образы вижу и не сомневаюсь, что здесь внутри живут христиане. Они же не могут жить с ними и бегут вон. А где такого знака нет снаружи, то с теми там внутри».

Сидя на обеде агаряне, люди мудрые и книжные, обученные многим премудростям, и астрономии и прочим наукам, испытывали его, спрашивая и говоря: «Видишь ли, философ, дивное чудо, как пророк Божий Мухаммед принес нам благовест от Бога и обратил <в свою веру> многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держа заповеди Христовы, вашего пророка, один так, а другой по-другому, — как кому угодно, так <им> следуете и исполняете». На это Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: “Род его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь его”. И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаюсь переплыть, одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше <учение> узкое и удобное, и его всякий может перескочить, и малый и большой. Нет <в нем ничего>, кроме людского обычая, но <только то>, что могут делать все, а ничего <другого> вам <пророк ваш> не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их — то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий смысл да понимает. Не так Христос <делает>, но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо творец всему создал человека между ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен — высшей или низшей». И вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Философ ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от <святых> отцов и от пророков и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: “Послали мы дух наш к деве и пожелали, чтобы родила”. Поэтому я извещаю вас о Троице». Пораженные этими словами, они обратились к другому, говоря: «Так и есть, как ты говоришь, гость. Но если Христос — Бог ваш, почему не делаете того, что он велит? Ведь написано в евангельских книгах: “Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим”. Вы же не так <поступаете>, но ответное оружие точите на делающих вам такое». Философ же на это ответил: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» И ответили они, что тот, кто обе. Философ же сказал: «Бог сказал: “Молитесь за обижающих”. Но еще он сказал: “Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих”. Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела

и душа их пленена не была». И вновь сказали они: «Христос давал дань и за себя и за нас. Как же вы не творите того, что он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу измаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Философ же ответил: «Если кто ходит по следу учителя и хочет по тому же пути идти, что и он, а другой встретит и совратит его <с пути> — друг ли ему или враг?» Они же ответили: «Враг». Философ же спросил: «Когда Христос дань платил, чья была власть: измаилитская или римская?» И ответили они: «Римская». «Потому не следует нас осуждать, что римлянам все даем дань». После этого и много других вопросов задавали ему, испытывая его во всех искусствах, которые имели сами. И на все им ответил. И когда победил их в споре, то сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Философ же ответил: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее. И гордился, говоря странникам: “Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?” Пришел же один помор и сказал ему: “Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас ее бездна”. Так и вы поступаете. А все искусства вышли от нас».

После этого, желая удивить его, показали ему несаженный виноградник, некогда проросший из земли. И когда объяснил им, как это бывает, то еще показали ему все богатство: здания, украшенные золотом и серебром, и драгоценными камнями, и жемчугом, говоря: «Посмотри, философ, на чудо дивное: велика сила и богатство амерумны, владыки сарацинского». Отвечал Философ: «Не чудо это, Богу хвала и слава, создавшему все это и давшему людям на утеху. Его это все, а не иного». И озлобившись окончательно, дали ему пить отраву. Но милостивый Бог сказал: «И если что смертоносное выпьете, ничто не повредит вам». Спас и его и здорового возвратил вновь в свою землю.

Немного времени спустя отрекся от мира, уединился и безмолвствовал, себе лишь внимая. И на завтрашний день ничего не оставлял, но все нищим раздавал, возлагая заботу на Бога, который и обо всех печется каждый день.

Однажды в Святой день печалился слуга его, что ничего не имеет для этого праздничного дня. Он же сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, тот подаст и нам здесь пищу. А ты пойди позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». И когда настал час обеда, тогда принес некий человек много разной еды и десять золотых. И хвалу вознес Богу за все это.

И пойдя в Олимп к Мефодию, брату своему, начал жить <там> и беспрестанно творить молитву к Богу, беседа лишь с книгами.

Чтение 3

И пришли послы к цесарю от хазар, говоря: «Изначала признаем лишь единого Бога, который есть надо всеми. И тому поклоняемся на восток, но в ином следуем своим постыдным обычаям. Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а сарацины, с другой стороны, предлагая мир и дары многие, склоняют нас в свою веру, говоря, что их вера лучше, чем у всех народов. Поэтому посылаем к вам, помня старую дружбу и храня любовь, ибо вы народ великий и от Бога царство держите. И спрашивая вашего совета, просим у вас человека, сведущего в книгах. Если победит он в споре евреев и сарацин, то к вашей вере обратимся».

Тогда цесарь стал искать Философа, и найдя его, поведал ему слова хазар, говоря: «Иди, философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Он же сказал: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешком и босым и без всего того, что не велит Бог ученикам своим носить». Отвечал же цесарь: «Если бы ты хотел от своего имени это делать, то правильно говоришь. Но помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью». И тотчас отправился он в путь. И придя в Корсунь, научился там еврейской речи и книгам, перевел восемь частей грамматики и воспринял их смысл.

Жил же здесь некий самаритянин и, приходя к нему, спорил с ним. И принес книги самаритянские и показал ему. И попросив их у него, Философ затворился в храме и стал молиться. И получив разумение от Бога, начал читать книги без ошибки. Увидев это, вскричал самаритянин громким голосом и сказал: «Поистине те, кто в Христа веруют, быстро приемлют Дух Святой и благодать». Сын же его крестился тогда, а после того и сам он крестился.

И нашел <Философ> здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, славя Бога.

И слышав, что <мощи> святого Климента еще лежат в море, помолился, сказав: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, что должен мощи его найти и извлечь из моря». И убедив архиепископа с клиросом и с благочестивыми людьми, взошли в корабли и поплыли к <тому> месту, когда успокоилось море. И придя, начали копать с пением <молитв>. И тогда распространился сильный аромат, как от множества фимиама. И после этого явились святые мощи, и взяли их с великой честью и славой. И все священники и горожане внесли их в город, как и пишет <Философ> в его Обретении.

Хазарский же воевода, придя с воинами, осадил христианский город и начал тяжбу о нем. Узнав же <об этом>, Философ, не ленись, пошел к нему. И беседовав с ним, поучительные слова сказал и укротил его. И <воевода> обещал креститься, и ушел, не причинив никакого вреда тем людям. Возвратился и Философ на свой путь. И когда он в первый час творил молитву, напали на него угры, воя как волки, желая убить его. Он же не ужаснулся, ни молитву свою не прервал, но лишь взывал: «Кирие, элейсон», так как уже окончил службу. Они же, увидев это, по велению Божьему укротились и начали кланяться ему. И выслушав поучительные слова из его уст, отпустили его со всеми спутниками.

Сев же на корабль, направил он путь к хазарам, к Меотскому озеру и Каспийским вратам Кавказских гор. И послали хазары навстречу ему человека лукавого и коварного, который, беседа с ним, сказал ему: «Почему у вас нехороший обычай — вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». Философ же отвечал ему: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, <ему> угодного, избрал Давида, угождающего ему, и род его». Он же опять спросил: «Вот вы, держа в руках книги, лишь из них говорите все притчами. Мы же не так <поступаем>, но из груди всю мудрость, как бы поглотив ее, произносим». И сказал Философ ему: «Отвечаю тебе на это. Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, поверишь ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». «Так и я тебе говорю. Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Не смог он на это ответить и замолчал.

И когда он дошел туда, то, собираясь сесть у кагана на обеде, спросили его, говоря: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и в страну земли иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». И ответили ему: «Достойно и правильно говоришь, гость». И после этого еще больше стали почитать его. Каган же взял чашу и сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все», Философ же взял чашу и сказал: «Пью во славу единого Бога и Слова его, которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув <смысл> книг». Философ же сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает; другой же воздает всем трем — который из двух почтительнее?» Он же сказал: «Тот, который почитает все три». Философ же отвечал: «Поэтому и мы больше <чем вы> добровольно почитаем <Бога>, приводя свидетельства и пророков слушая. Ибо Исайя сказал: “Послушай меня, Иаков Израиль, призванный мой: я есть первый, я последний”. И ныне Господь и Дух его послали меня». Иудеи же, стоя около него, сказали ему: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на которого никто не может взглянуть, а не то что родить его?» Философ же указал перстом на кагана и на первого советника и сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может <достойно> принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать — как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Философ же сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» И ответили ему: «Человек, сотворенный по образу Божию». И вновь сказал им Философ: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может вместиться Бог в человека? А он вместил себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к гибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, <исполненный> Духа Святого в своей молитве, воздев руки: “В горе каменной и в гласе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи”. Акилла так говорит». И так разошлись с обеда, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

Сел же вновь Философ с каганом и сказал: «Я — один человек среди вас без родственников и друзей. И все мы рассуждаем о Боге, в руках которого все сердца наши. От вас же те, кто сильнее в словах. Когда мы будем беседовать, то, что они поймут — пусть скажут, что это так, а то, чего не поймут — пусть спросят, — скажем им». Отвечали же иудеи и сказали: «И мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» Философ же сказал: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Отвечали они: «Да. Первый и подобает». И сказал Философ: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». И сказали они: «Чего ради так говоришь?» Философ же сказал: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Философ же сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди <при> отвержении Адама, заветом называя

закон? Ведь сказал же ему Бог: “Вот я поставлю завет мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее”. Что скажете против этого, говоря, что первый закон <надо> соблюдать?» Иудеи же ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в Раю. И <заповедь> Аврааму <названа> иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое. По-разному ведь Творец назвал оба». Философ же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: “Даю закон мой на теле вашем, — который и знамением назвал, — который будет между мной и тобой”. И также к Иеремии вновь воззвал: “Слушай слова завета сего и скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима. И скажи им: Так говорит Господь Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской”». Отвечали иудеи на это: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся <угодить Богу>. А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Философ же сказал им: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей, после того как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божья заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во <всякой> живой душе. И так же дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог <устами> Иезекииля возглашает: “Один уничтожу <закон> и другой вам дам”. И Иеремия говорит: “Вот наступают дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет. Не такой завет, какой я заключил с отцами вашими, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет мой они нарушили. И я возненавидел их. Но вот завет мой, который я заключу с домом Израилевым после тех дней, сказал Господь: вложу законы мои в помышления их и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом”. И еще тот же Иеремия сказал: “Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних правых и вечных, и увидите, какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим”. И сказали: не пойдём. И поставил я стражей над вами, <сказав>: слушайте звука трубы. И сказали: не послушаем. Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай земля: вот, я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков моих не вняли и закон отвергли». И не только этими одними <примерами> покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Философ же сказал им: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: “Нет моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени моему, жертва чистая, потому что велико имя мое между народами, говорит Господь Вседержитель”». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обрезанными в городе Иерусалиме». Сказал же

Философ: «Так говорит Моисей: “Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки Ефрата”. А мы, <иные> народы, от того благословимся из семени Авраамова, <кто> от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божиею просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: “Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме, возвестит мир народам, и владычество его будет от края земли до конца вселенной”. Иаков же сказал: “Не прекратится князь от <рода> Иуды, ки игумен от чресл его до тех пор, пока не придет тот, кому предназначено”, — и он надежда народов. Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный ангелом: “Семьдесят недель до Христа игумена, что составляет четыреста девяносто лет, <на которые> запретятся видения и пророчества”. Чье вы думаете железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Философ же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». И вновь они сказали: «Но если тот, о котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же римское царство властвует до сих пор?» Отвечал Философ: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие <царства>, явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: “Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”. Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а <ведь> римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исая, свидетельствуя, говорил вам: “И оставьте имя ваше избранным моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле — будет клясться Богом небесным”. Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исая извещает о рождении его от девы, говоря так: “Вот, дева во чреве примет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог”. А Михей говорит: “И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля и которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему он оставит их до времени, доколе рождающая его не родит”. Иеремия же: “Спросите и рассудите, рождает ли мужчина? Велик тот день, не было подобного ему; это тяжкое время для Иакова, но он будет спасен от него”. А Исая сказал: “Еще не мучилась родами, прежде нежели наступили боли ее, избавилась от боли и родила сына”». И вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим Ноем, вы же нет». И ответил им на это, сказав: «Благословение отца вашего не что иное, как только хвала Богу, ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это <слова>: “Благословен Господь Бог Симов”, а Иафету, от которого мы произошли, сказано: “Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых”». И приводя <доказательства> из пророческих и других книг, не отпустил их, пока они сами не сказали: «<<Так и есть, как ты говоришь>>. И вновь сказали они: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклинает такого?» Отвечал Философ: «Тогда проклят ли Давид или же благословен?» И ответили они: «Даже много благословен». Философ же сказал: «И мы так же на того уповаем, на кого и он. Ибо сказал он в псалмах: “Человек

мира моего, на него же я уповал”. И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаем».

И вновь иной пример предложили ему, говоря: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Отвечал Философ: «Так как было сказано вначале Аврааму: “Вот знамение между мною и тобою”, — то и завершить его пришел. И от <Авраама> соблюдали <завет> до <Христа>. А далее <Бог> не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал». И сказали они: «Тогда почему другие, бывшие раньше и угодившие Богу, не по-лучили этого знамения, но лишь Авраамово?» Отвечал Философ: «Никто из них не имел двух жен, но только Авраам. И потому обрезана была ему крайняя плоть, чтобы, установив предел, не преступать его, но, первым браком Адама дав пример, остальным следовать ему. И с Иаковом поступил так же: повредил жилу бедра его, так как он имел четырех жен. Когда же <Иаков> понял причину, по которой совершенно с ним это, нарек <Бог> имя ему Израиль, то есть “умом видящий Бога”. И после этого не говорилось, что он прикоснулся к женщине. Авраам же этого не понял». И вновь спросили иудеи: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» Отвечал Философ: «Сначала научитесь различать понятия, что есть икона, а что идол. И узрев это, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. <Не> образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный <мастерством> резьбы и кожевенным и шерстоткацким, и <изваяниями> херувимов. И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и кожам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, давшему <вам> в то время такой образ? То же <можно сказать> и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобия херувимов и ангелов и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов. Ведь Писание порицает приносящих в жертву сыновей своих и дочерей своих и возвещает о гневе Божиим, <но> также восхваляет других, жертвующих сыновей своих и дочерей». И вновь сказали иудеи: «Разве вы, поедая свинину и зайчатину, не противитесь Богу?» И ответил им: «Первый завет заповедал все есть как травную зелень: для чистых все чисто; а оскверненным и совесть осквернена. Ведь и Бог о создании <своем> говорит: “Вот, все хорошо весьма”, <но> из-за вашей алчности нечто малое из них изъял. “И питался, — говорит, — Иаков и насытился и оставил возлюбленного <Бога>”. И еще: “Сел народ есть и пить и встал играть”».

От многого мы, сократив это, немного написали здесь для памяти. А тот, кто хочет полных и святых этих бесед искать в его книгах, найдет их в переложении учителя нашего Мефодия, разделившего их на восемь слов. И увидит там силу слова от Божией благодати, как огонь, пылающий на противников.

Хазарский же каган с мужами начальствующими, выслушав все эти хорошие и достойные слова, сказал ему: «Богом ты послан сюда для назидания нам и все Писание с его помощью знаешь. Все ты рассказал должным образом, досыта усладив нас медовой сладостью словес святых книг. Но мы люди некнижные, верим тому, что так установлено от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, то, изложив все примерами, расскажи нам, как должно о том, что мы у тебя спрашиваем». И так разошлись почивать.

Собравшись на другой день, сказали ему так: «Укажи нам, честный муж, на примерах и с рассуждением веру, которая лучше всех». И отвечал им Философ: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они

согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой — иначе, а третий — по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» И сказали они: «Зачем ты говоришь это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные — другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?» И сказал Философ: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зрения ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Они же сказали: «Так и есть». Философ же сказал: «Если кто заболит, поев меда или выпив холодной воды, и придет врач и скажет ему: “И еще много меда съев, исцелишься”; а тому, кто пил воду, скажет: “Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься”. Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали все: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». И снова отвечал Философ: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод».

Один же из тех собравшихся, хорошо сведущий во всем сарацинском лукавстве, спросил Философа: «Скажи мне, гость, почему вы не признаете Магомета? Ведь он много восхвалял Христа в своих книгах, говоря, что от девы родился, сестры Моисея, великий пророк: мертвых воскрешал и любую болезнь исцелял силой своей великой». Отвечал Философ ему: «Пусть рассудит нас каган. И скажи, если Магомет пророк, то как поверим Даниилу? Ведь тот сказал: “Перед Христом все видения и пророчества прекратятся”. Этот же, после Христа явившись, как может пророком быть? Если его пророком назовем, то Даниила отвергнем». И сказали многие из них: «То, что сказал Даниил, говорил по божественному вдохновению, а о Магомете все мы знаем, что он обманщик и губитель всеобщего спасения, который свою сильнейшую ересь сочинил для зла и постыдных деяний». И сказал первый советник старейшинам иудеев: «С Божьей помощью гость всю гордыню сарацинскую поверг на землю, а вашу на ту сторону отбросил как скверну». И сказали всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и мудрость совершенную цесарю христианскому, так же и веру для них. И без нее никто не может вечной жизнью жить. Богу же слава в веках». И сказали все: «Аминь».

И сказал Философ всем со слезами: «Братья и отцы, и друзья, и чада! Это Бог дает все понимание и достойный ответ. Если же есть еще кто-нибудь, противящийся, пусть придет и победит в споре или побежден будет. Кто согласен с этим, да крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то нет никакого моего греха, а он свой увидит в день судный, когда сядет Ветхий Днями судить все народы». Отвечали они: «Не враги мы себе. Но постепенно, тем, кто может, так повелеваем: пусть крестится по желанию, если хочет, начиная с этого дня. А тот из вас, кто молится на запад или совершает моление, как евреи, или сарацинской веры придерживается — скоро смерть примут от нас». И так разошлись с радостью.

И крестилось от них до 200 человек, отвергнув языческие мерзости и незаконные браки. И написал к цесарю каган такое письмо: «Послал ты, владыка, такого человека,

который объяснил нам христианскую веру, в словах и деяниях Святую Троицу. И поняли мы, что это истинная вера, и повелели креститься посвоему желанию. Надеемся, что и мы придем к тому же. Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь».

Провожая же Философа, начал каган многие дары давать ему. И не принял их, сказав: «Отдай мне пленных греков, сколько здесь имеешь. Это для меня дороже всех даров». И собрали их до двух десятков и отдали ему. И пошел он, радуясь, путем своим.

Но дойдя до пустых безводных мест, не могли терпеть жажды. Найдя же в солончаке немного воды, не смогли пить ее, ибо была она как желчь. А когда все разошлись искать воду, сказал Философ Мефодию, брату своему: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И зачерпнув, обнаружил, что она сладка, как медвяная, и холодна. Напившись же, прославили Бога, совершающего такое для своих рабов.

И ужиная в Корсуни с архиепископом, обратился к нему Философ: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же кто-то спросил наедине, зачем он это сделал, отвечал Философ: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось, сбылись его слова.

В<земле>же фульского народа был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя <его> именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Услыхав же это, Философ не ленился, потрудиться дойти до них. Встав посреди них, сказал им: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избегнуть вечного огня?» Отвечали они: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же узрит смерть, а мы не увидим дождя до конца дней». Отвечал им Философ: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от него отрекаетесь? Ибо Исайя от лица Господа восклицает, говоря: “Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не слышали моего имени, и они возвестят народам славу мою”. И еще говорит Господь Вседержитель: “Я пошлю рыболовов и охотников многих — и на холмах и каменных скалах поймут вас”. Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие нового завета Божия, в который вы крестились».

Так услаждающими слух речами уговорив их, повелел им срубить дерево и сжечь. И поклонился старейшина их, подойдя, поцеловал Евангелие, и все так же. Взяв у Философа белые свечи, с пением пошли к дереву. И взял Философ секиру и тридцать и трижды ударил, и повелел всем рубить под корень и сжечь его. В ту же ночь был дождь от Бога. И с великой радостью восхвалили они Бога. И очень радовался об этом Бог.

Философ же отошел в Царьград. И повидав цесаря, жил в безмолвии, молясь Богу, в церкви Святых Апостолов сидя.

Есть же в Святой Софии чаша из драгоценного камня работы Соломона, и на ней написаны стихи письменах еврейскими и самаритянскими, которых никто не мог ни прочитать, ни объяснить. И взял ее Философ, почитал и сказал: «Вот что это. Первый

стих: “Чаша моя, чаша моя, прорицай это: пока звезда <на небе>, для питья будь Господу и первенцу, бодрствующему ночью”. Затем второй стих: “Для вкушения Господа создана из другого древа; пей, упейся радостью и воскликни: Аллилуйя”. И затем третий стих: “И вот князь их, увидит все собрание славу его, и Давид цесарь посреди них”. И потом число написано: девятьсот и девять». Рассчитав же подробно, Философ вычислил, что от двенадцатого года царствования Соломона до царства Христова девятьсот и девять лет. И это — пророчество о Христе.

Чтение 4

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посоветовавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или <захочет> приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отворяет всем стучащимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве <вместе> с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письмена и начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твой веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил письмена для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог — человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать <против святого>, говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы <все народы> с самого начала, письменами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплеменниками, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титуле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады — дьяволы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем, говоря: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей, которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: “Как сказано древними: не прелюбодействуй”. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот заставляет ее творить прелюбодеяние. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует”. Апостол сказал: “Если Бог сочетал людей, да не разлучатся”».

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его <по пути> Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их.

Чтение 5

Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, попы и черноризцы, как вороны на сокола, воздвигли триязычную ересь, говоря: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письма и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». Отвечал им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не

стыдитесь, полагая только три языка, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими, скажите мне, Бога почитая немощным, не могущим дать это, или завистливым, не желающим дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке. Известно, что это: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то по крайней мере из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: “Пойте Господу, вся земля! Пойте и возвеселитесь и воспойте!” И другой раз: “Вся земля да поклонится и поет тебе. Да поют же имени твоему вышнему”. И еще: “Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди. Все дышащее да хвалит Господа”. И в Евангелии же <Иоанн> говорит: “А тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими”. И еще тот же: “Не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их. Да будут все едино, как ты, Отец, во мне, так и я в тебе”. Ведь Матфей говорит: “Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И я с вами во все дни до скончания века. Аминь”. А Марк еще говорит: “Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим изгонят бесов, заговорят новым языком”. Скажем это и вам: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам. Ибо сами не входите и желающих войти не допускаете”. И еще: “Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и желающим войти воспрепятствовали”. И Павел говорит коринфянам: “Хочу, чтобы все <вы> говорили на <чужих> языках, но лучше бы прорицали, ведь больше прорицающий говорящего на языках, если только не толкует, чтобы церковь получила назидание. Теперь же, братья, если приду к вам, говоря на языках, какую вам пользу принесу, если вам не изъяснюсь или откровением, или смыслом, или пророчеством, или поучением? Ведь и бездушный звук издавая или свирель или гусли, и если не разделите звуков — как можно понять играемое на свирели или гуслях? Ибо если неопределенный звук труба издает, кто изготовится к бою? Так и вы если <чужим> языком неразумные слова скажете, как можно понять сказанное? Будет в воздух говорить. Столько ведь, например, родов звуков во всем мире, и ни один из них не беззвучен. Если я не знаю смысла звучащего, то буду говорящему мне иноземец, и говорящий мне иноземец. Так и вы, поскольку вы ревнители духовного назидания, просите, чтобы вы обогатились. Так и говорящий на языках пусть молится о истолковании. Ведь если я молитву творю на <чужом> языке, то дух молится, а ум без плода. Что же тогда? Помолюсь духом — помолюсь и умом, воспую духом — воспую и умом. Если благословляешь духом, <то> стоящий на месте неразумного как произнесет «аминь» после твоей хвалы, поскольку не знает, что ты говоришь. Ты хорошо восхваляешь, но другой не назидается. Хвалю Бога моего за всех нас, особенно за говорящих на языках. Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на <чужом> языке. Братья! не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «как иноязычникам устами иными буду говорить людям сим, <но> и тогда не послушают меня, говорит Господь». Итак, языки для знамения неверующим, а пророчество не для неверующих, а для верующих. Если сойдется церковь вся вместе, и все заговорят <разными> языками, и войдет неразумный или неверующий — не скажет ли, что вы беснуетесь? А если все пророчествуют, и войдет один неверующий и неразумный, то обличается перед всеми и

вопрошается всеми. И тайное сердца его явным бывает, и падет ниц, и поклонится Богу, говоря: «Воистину Бог в вас». Что же тогда, братья? Когда соберетесь — каждый из вас <со своим знанием> — то псалмы имеете, учение имеете, откровение имеете, язык имеете, толкование имеете — все, что необходимо для назидания. Если на <чужом> языке кто говорит, то двое или самое большее трое и поочередно, <a> один толкует. А если не будет толкователя, пусть молчит в церкви, себе же говорит и Богу. Пророки же два или три пусть говорят, а другие пусть толкуют. Если другому, сидящему, будет откровение, то первый молчит. Могут по одному все пророчествовать, чтобы все учились и все утешались. И духи пророческие пророкам повинуются. Не есть Бог неустройству, но миру. Господня заповедь есть: “Если кто не понимает — пусть учится”. Итак, братья, старайтесь прорицать, и не запрещайте говорить <чужими> языками. Все пусть будет благоверно по чину». И еще говорит: «Всякий исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». И этими словами еще более посрамив их, оставил.

Узнав об этом, римский папа послал за ним. Когда же Философ дошел до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, узнав, что несут мощи святого Климента мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек исцелился здесь, а многие другие избавились от различных болезней. Также и пленные избавились от пленивших их, призвав <на помощь> память святого Климента.

Принял папа книги славянские, освятил и положил их в церкви святой Марии, называемой Фатан, и пели над ними литургию. И после этого повелел папа двум епископам Формозу и Гаудериху рукоположить славянских учеников. Когда их поставляли, тогда пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке. И на другой день пели в церкви святой Петронилы. И в третий день в церкви святого Андрея, и потом еще в церкви у великого наставника язычников Павла апостола ночью пели святую литургию по-славянски над святой гробницей, имея в помощь епископа Арсения, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря.

Философ же со своими учениками непрестанно достойные похвалы возносил за это к Богу. А римляне не переставая шли к нему, спрашивая обо всем. И дважды и трижды получали от него разъяснения.

Некий еврей, также приходя, спорил с ним и однажды сказал ему: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о котором говорят книги и пророки, что он от девы родится». И рассчитал ему Философ все годы от Адама по поколениям, и объяснил ему подробно, что уже явился, и сколько лет с тех пор до настоящего времени. И наставив его, отпустил.

И совершив многие труды, <Философ> начал болеть. И страдая от боли много дней, увидев однажды Божие явление, начал петь так: «О сказавших мне: “Идем в дом Господень” возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось». И облачился в священные свои ризы и провел так весь день, веселясь и говоря: «Отныне я не слуга ни цесарю и никому иному на земле, но одному лишь Богу Вседержителю был и есть во веки. Аминь».

Наутро же постригся в святой иноческий образ и, приобщив свет к свету, нарек себе имя Кирилл. И пробыл в этом образе 50 дней. И когда приблизилось время, приняв покой, перейти в вечную жизнь, воздел к Богу руки свои и прочитал молитву, так говоря со слезами: «Господи Боже мой, который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распротер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю твою творящим, боящимся тебя и хранящим заповеди твои. Вними моей молитве и сохрани верное твое стадо, к которому приставил меня, негодного

и недостойного раба твоего, избавляя от всякой безбожной и языческой злобы и от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на тебя. Истреби триязычную ересь и умножь церковь свою числом <верующих>, объединив всех в единомушии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры твоей, и вдохни в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар, что принял ты нас, недостойных, для проповедования евангелия Христа твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное тебе, которых ты поручил мне, как твоих тебе передаю. Благоустрой их силою твоею и десницею, покрывая сенью крыльев твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь». Облобызав всех святым лобзанием, сказал: «Благословен Бог наш, который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от истления». И так почил в Господе, прожив 42 года, в 14 день месяца февраля, во 2 индикт, от сотворения мира в 6377 году.

Повелел апостолик всем грекам, которые были в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним, устроить ему проводы как самому папе. Так и поступили.

Брат же его Мефодий попросил апостолика, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». И повелел папа положить его в раку и забить ее гвоздями железными. И так задержали его семь дней, готовя в дорогу. И сказали апостолику римские епископы: «Раз Бог привел его, ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял — здесь ему следует покоиться как достойному мужу». И сказал апостолик: «Тогда ради святости его и любви нарушив римский обычай, похороню его в моей гробнице в церкви святого апостола Петра». Отвечал же брат его: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с <мощами> которого пришел сюда». И повелел папа поступить так.

И вновь собрались все епископы и чернецы и все люди проводить его с честью. Когда же хотели положить его в гробницу, сказали епископы: «Вынув гвозди из раки, посмотрим, цел ли он, или же взята часть от него». И много трудясь, не смогли открыть раку по Божиему повелению.

И так в раке положили его в гробницу справа от алтаря в церкви святого Климента, где начали тогда свершаться многие чудеса, видеваемые, римляне больше стали почитать святость его и честь. И написав образ его над гробницей, <зажгли лампаду, чтобы> светила над ним день и ночь, восхваляя Бога, прославляющего так <тех>, что славят его. Тому слава во веки. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

---

¹ *Богъ милостивъ и щедръ...животу...* — Монтаж цитат из разных библейских книг: Иоиль. 2, 13; Тим. 2, 4; Иез. 33, 11.

² *Овца моя ... вѣчныи.* — Иоан. 10, 27.

³ *Подобни ми бываите ... Христу.* — 1 Кор. 11, 1.

⁴ *Солунь (Селунь)* — Фессалоника, современные Салоники — город на северном побережье Эгейского моря, в IX в. один из главных городов Византийской империи.

⁵ *Другарескъ* — друнгарий, командир «друнги», в иерархии военных властей фемы (военно-административного округа в Византии IX—X вв.) занимал следующее место: стратиг — турмарх — друнгарий — комит.

⁶ *Стратиг* — глава фемы.

⁷ *Иов* — библейский праведник (книга Иова).

⁸ *...семь отрокъ...* — Неоднократное упоминание числа 7 или кратных ему для определения событий в жизни героя или его родителей заставляет подозревать, что это не столько реальные даты, сколько стремление агиографа использовать для измерения священное число. Можно отметить и другие характерные для агиографии мотивы: отказ младенца от молока кормилицы, отказ родителей после его рождения от плотских сношений.

⁹ *Егда же роди и мати...* — По свидетельству Жития Константина скончался 14 февраля 6377 г. (т. е. 869 г. по сентябрьскому стилю, принятому в Византии, или 870 г. — по мартовскому, который мог применяться в Великой Моравии), 42 лет от роду. В соответствии с этим его рождение следует относить либо к концу 826—началу 827 г., либо к концу 827—началу 828 г. В памятнике церковного происхождения, принадлежащем к византийскому культурному миру, логичнее ожидать первый вариант.

¹⁰ *...отца и устроителя...кръстяны.* — Имеется в виду византийский император, считавшийся главой всех христиан на земле.

¹¹ *...видъ сонъ...* — Рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория Назианзина. В Житии сон Константина приспособлен к условиям жизни IX в., когда был распространен выбор невесты для императора или наследника из числа собранных в столицу красавиц.

¹² *Сыну, храни законъ... матери своя.* — Притч. 6, 20.

¹³ *Свѣтилникъ бо ... и свѣтъ.* — Притч. 6, 23.

¹⁴ *Рчи же ... створи.* — Притч. 7, 4.

¹⁵ *Сияеть бо ... избавишися ею.* — Ср. Прем. 7, 29; 8, 2; 10, 9.

¹⁶ *Плакида* — Евстафий Плакида — римский военачальник; согласно его житию, обратился в христианство, увидев во время охоты оленя с крестом между рогами.

¹⁷ *Григорий Феолог* — Григорий Богослов (Назианзин).

¹⁸ *О Григорие... и учитель.* — Данный текст — попытка стихотворного перевода с греческого языка молитвы Константина.

¹⁹ *Вшед же въ многи ... сердца своего.* — Эпизод свидетельствует о том, что в провинции в IX в. можно было получить лишь начальное образование.

²⁰ *Логофет* — с VII в. глава важнейших центральных ведомств Византии, здесь — логофет Феоктист, первый министр при дворе императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила III в 40-х—начале 50-х гг. IX в.

²¹ *...да ся бы съ царемъ училь.* — Данное свидетельство маловероятно, так как Михаил III был значительно моложе Константина.

²² *Боже отецъ наших... премудрость...* — Прем. 9, 1—2, 4.

²³ *...да разумѣвъ... спасуся.* — Ср. Прем. 9, 10, 19.

²⁴ *Азъ бо есмь ... твоя.* — Ср. Пс. 115, 7; Прем. 9, 5.

²⁵ *Царьград* — Константинополь, столица Византийской империи.

²⁶ *Лев* — Лев Математик — ученый IX в., возобновивший занятия точными науками и изучение античных текстов; позднее — глава государственного училища, созданного дядей императора Михаила III Вардой.

²⁷ *Фотий* — филолог, знаток древних авторов, теолог; в 40—50-х гг. крупный

²⁸ *Научи же ся Омиру ... художествомъ.* — Перечень наук традиционен и соответствует курсу организованного позднее Константинопольского университета. Упоминание на первом месте не связанных между собой Гомера и геометрии, возможно, объясняется тем, что этим наукам Константин учился у Льва, а остальным — у Фотия

---

²⁹ *Скорость бо ся ... съ Богомъ жити.* — Мозаика фрагментов из Похвального слова Василию Великому Григория Богослова.

³⁰ *Княжение* — термин для обозначения архонтии, территории, населенной славянами, во главе которой ставился вместо местного князя чиновник.

³¹ *...прадъдъняа чьсти... искати.* — Прадедом назван Адам, отыскать его честь и богатство — достичь совершенства, которым отличался праотец до грехопадения. Отрывок следует трактовать как отказ от светской карьеры и желание стать монахом.

³² *Царица* — Феодора, вдова императора Феофила (829—842), мать Михаила III (842—867), после смерти мужа и до 850 г. — правительница.

³³ *...книжчи...* — Вероятно, имеется в виду библиофилак — библиотекарь, поскольку Константин как молодой клирик, не имевший опыта работы в администрации, не мог сразу стать хартофилаксом — главой патриаршей канцелярии и архива, а должен был получить более скромную должность. Так как все известные хартофилаксы были дьяконами, Константин не мог получить сан выше, и сообщение о посвящении его сразу в священники — неточно. В украинско-белорусских списках Жития, обладающих рядом текстологических особенностей, должность Константина обозначена как «сосудохраниль», т. е. скевофилак — хранитель патриарших облачений.

³⁴ *...патриарх...* — Вероятно, имеется в виду патриарх Игнатий (847—858).

³⁵ *Святая София* — собор в Константинополе, при котором находились патриаршая библиотека и архив.

³⁶ *Узкое море* — пролив Босфор.

³⁷ *Умолиша же ... ся ять.* — Возможно, речь идет о назначении Константина преподавателем Константинопольского университета.

³⁸ *Анний патриарх* — Иоанн Грамматик, патриарх Константинопольский (837—842), глава партии иконоборцев. Анний — презрительная кличка, данная ему его противниками. Рассказ о диспуте вызывает сомнения исследователей, так как подобные рассказы известны и в житиях других святых того же времени.

³⁹ *Патрикий* — один из высших византийских почетных титулов.

⁴⁰ *Не сътвориши всякого подобиа.* — Ср. Исход 20, 4 в Острожской Библии.

⁴¹ *Не сътвориши подобиа.* — Ср. Исход 20, 4; Вт. 5, 8.

⁴² *Чтение второе.* — Следующий далее рассказ о посольстве к арабам неоднократно вызывал сомнения, так как такое посольство не упоминается в других источниках. Однако некоторые детали свидетельствуют о том, что это посольство имело место.

⁴³ *Давида... с тремя каменми...* — См. 1 Царств. 17, 40. В Библии говорится о пяти камнях. Здесь отразился след глаголического оригинала: в глаголице В (3) и Д (5) имеют очень близкое начертание.

⁴⁴ *Асикрет Георгий* — византийский дипломат, ведший переговоры с арабами. Полагают, что именно он стоял во главе посольства, участником которого и был Константин.

⁴⁵ *...образи дъмонскы ... ругающесея.* — По эдикту халифа Мутаваккиля (на престоле с 847 г.), преследовавшего христиан, предписывалось изображать дьявола на дверях их домов.

⁴⁶ *Род его ... животъ его.* — Деян. 8, 33; ср. Ис. 53, 8.

⁴⁷ *Послахомъ духъ... о Троици.* — Коран 19, 7. Ссылка на эту суру — обычный аргумент в полемике с мусульманами византийских theologов.

⁴⁸ *Молити за врагы... гонящимъ.* — Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

⁴⁹ *Молите за обидящая.* — Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

⁵⁰ *Больша сея любъви... за другы.* — Ср. Иоан. 15, 13.

⁵¹ *Христоръ есть дань даяль...* — Утверждение неточно: Иисус Христос только не отрицал необходимости ее давать (Мф. 22, 17—21; Мр. 12, 14—17).

⁵² *Армениино*. — Так славянский автор передал греческий вариант титула халифа — «амерумна». Константину, по-видимому, показывали постройки халифа Мутаваккиля в его резиденции Самарре, изумлявшие своей роскошью.

⁵³ *Аще и смертно... не вредить*. — Мр. 16, 18

⁵⁴ *Единою же на Святыи днь... о встх сихъ*. — Рассказ этот представляет одно из обычных для агиографии общих мест.

⁵⁵ *Олимпъ* — гора Олимп в Малой Азии на побережье Мраморного моря — один из центров византийского монашества в IX в.

⁵⁶ *Хазары* — союз тюркоязычных племен, главным образом кочевых, создавших на Нижней Волге и в степном Предкавказье государственное образование раннефеодального типа — Хазарский каганат (VII—середина X в.).

⁵⁷ *...испърва единъ токмо Богъ ... имемъ*. — Подавляющее число исследователей считают речь хазарских послов вымыслом агиографа. Судя по арабским и еврейским источникам, каган и хазарская знать приняли иудаизм по крайней мере за несколько десятилетий до путешествия Константина.

⁵⁸ *Хорсунъ* — Корсунь, Херсон — город на территории современного Севастополя, центр византийских владений на Крымском полуострове.

⁵⁹ *Самарянин*. — Самаритяне — название этнической и религиозной группы семитского населения.

⁶⁰ *...книгы самаръискы...* — Имеется в виду Пятикнижие, написанное самаритянской азбукой.

⁶¹ *...русьскы писмены...* — Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письма — письма древних «русов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретенной Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфиллой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письма. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения.

⁶² *...яко святыи Климент ... лежить...* — Имеются в виду останки похороненного у Херсонеса мученика раннехристианского времени по имени Климент, которого легенда, возникшая в IV—VI вв., отождествила с Климентом, папой римским, третьим преемником апостола Петра. Место погребения в результате погружения берега к IX в. оказалось на полузатопленном острове.

⁶³ *Архиепископ* — Георгий, архиепископ Корсунский.

⁶⁴ *...якоже пишетъ въ обрътение его*. — Имеется в виду написанное Константином на греческом языке и сохранившееся только в славянском переводе Сказание об обретении мощей св. Климента.

⁶⁵ *Угры* — венгры, кочевавшие в этот период в причерноморских степях.

⁶⁶ *...кюръ ильса...* — От греч. κυριε ελεησον — «Господи, помилуй».

⁶⁷ *Меотское озеро* — название Азовского моря в античной и византийской литературе.

⁶⁸ *Капийская врата* — обозначение Дербентского прохода в античной и византийской литературе.

⁶⁹ *Дньдъ имтъхъ велии... есмь*. — Аллегория библейского рассказа о грехопадении.

⁷⁰ *Слушаи мене... въ вѣкы*. — Ис. 48, 12.

⁷¹ *Въ горъ каменнии ... наша грѣхы*. — Ср. Исход 19, 16; 34, 9; 1 Иоан. 3, 5.

⁷² *Акюла* — Аквила — еврейский ученый II в., переводчик Ветхого Завета на греческий язык. Константин использовал этот перевод, отличающийся от Септуагинты, как доказательство христианского догмата о воплощении Бога в человеческом теле

⁷³ *Се азъ въздвигну ... в того мѣсто*. — Ср. Быт. 9, 9, 2—6.

⁷⁴ *Даяю законъ... и тобою*. — Ср. Быт. 17, 13, 2, 4, 7.

⁷⁵ *Послуши же завѣта сего... Езупетьскы*. — Иер. 11, 2—4.

- ⁷⁶ Прѣставляю ... дамъ. — Ср. Иезек. 11, 19; 36, 26.
- ⁷⁷ Явѣ се дѣние ... в завѣтъ моемъ. — Иер. 31, 31—32.
- ⁷⁸ Яко се завѣтъ мои... в люди. — Ср. Иер. 31, 33.
- ⁷⁹ Тако глаголетъ... и законъ отринуша. — Иер. 6, 16—19.
- ⁸⁰ Нѣсть моя воля... Господь Вседержитель. — Мал. 1, 10—11.
- ⁸¹ Аще послушающе... рѣкъ Ефранта. — Ср. Вт. 11, 22, 24; Исход 23, 31.
- ⁸² Радуися зѣло ... до коньца вселения. — Ср. Зах. 9, 9—10.
- ⁸³ Не оскудѣеть князь... ся щадить. — Ср. Быт. 49, 10.
- ⁸⁴ 70 недель... и пророчество. — Ср. Дан. 9, 24—25.
- ⁸⁵ ...желѣзное царство... — Дан. 2, 40.
- ⁸⁶ Камень ... без рукъ чловечьскъ... — Ср. Дан. 2, 34, 45.
- ⁸⁷ Въздвигнетъ Богъ... въ вѣкы. — Дан. 2, 44.
- ⁸⁸ Оставьте имя ваше... Богомъ небеснымъ. — Ис. 65, 15—16.
- ⁸⁹ Се, дѣва... с нами Богъ. — Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.
- ⁹⁰ И ты, Вифлеоме... и родити. — Мих. 5, 2—3; Мф. 2, 6.
- ⁹¹ Въпросите и видите... спасеться. — Иер. 30, 6—7.
- ⁹² Преже даже ... роди мужескъ полъ. — Ис. 66, 7.
- ⁹³ Благословенъ Господь Богъ Симовъ... — Быт. 9, 26.
- ⁹⁴ Да распространить ... в села Симова. — Быт. 9, 27.
- ⁹⁵ Ибо чловекъ мира... уповахъ. — Ср. Пс. 40, 10.
- ⁹⁶ Се буди ... и мною. — Быт. 17, 2, 7, 10—11.
- ⁹⁷ ...утерпѣ живу стегна его... — Ср. Быт. 32, 25.
- ⁹⁸ ... Израиль... Бога. — Ср. Быт. 32, 28,
- ⁹⁹ Образъ ли скиния... изрядныи. — Ср. Исход 26, 1—37; 36, 8—38.
- ¹⁰⁰ Первуму завѣту... ся оскеернила. — Ср. Быт. 9, 3; Тит. 1, 15.
- ¹⁰¹ Се вся добра зѣло... — Ср. Быт. 1, 31; 2, 9, 16.
- ¹⁰² Снѣсте бо... възлюбленыи. — Ср. Вт. 32, 15.
- ¹⁰³ Стѣдоша людие ... въсташа играть. — Исход 32, 6.
- ¹⁰⁴ А иже хочеть ... словесъ. — Состав сочинений («слов») Константина, не дошедших до нас, не установлен.
- ¹⁰⁵ Дѣва мальжена ... посла. — Аллегория библейского рассказа о грехопадении первых людей.
- ¹⁰⁶ ... яко от девы ся родилъ... силою великою. — Ср. Коран 19, 29, 3, 40, 43.
- ¹⁰⁷ До Христа ... прѣстанеть. — Ср. Дан. 9, 24.
- ¹⁰⁸ ... судиа ветхыи дѣньми... — Ср. Дан. 7, 9, 22.
- ¹⁰⁹ Иже бо... въ сладѣкую. — Ср. Исход 15, 23—25.
- ¹¹⁰ ... въ Фулъстѣ языкъ ... — В источниках VIII—IX вв. неоднократно упоминается г. Фуллы, центр особой епархии в Крыму.
- ¹¹¹ Александръ — Здесь не название дерева, а его нарицательное наименование, в переводе с греческого «защитник мужчин».
- ¹¹² Гряди азъ събрати... въ языкъхъ. — Ис. 66, 18—19.
- ¹¹³ Азъ послу... изловятъ вы. — Ср. Иер. 16, 16.
- ¹¹⁴ ... девять сотъ и девятеро... и девять лѣт. — Во всех славянских списках срок назван неправильно: хронологические расчеты на основании Летописца патриарха Никифора дают цифру 989.
- ¹¹⁵ Ростислав — правитель Великой Моравии, раннефеодального славянского государства.
- ¹¹⁶ Дѣдъ мои и отецъ мои ... — дед Михаила III — император Михаил II (820—829), отец — Феодил II (829—842).

¹¹⁷ ... съ Варъдою, уимъ своимъ... — Варда — дядя Михаила III по матери, его соправитель с титулом «кесаря», фактический глава империи в конце 50-х—начале 60-х гг. IX в.

¹¹⁸ ... иже просятъ ... толкущимъ. — Ср. Мф. 21, 22; 7, 7; Лк. 11, 9.

¹¹⁹ Испърва бѣ слово... бѣ слово... — Иоан. 1, 1. Эта фраза свидетельствует о том, что первым Константин переводил Евангелие апракос.

¹²⁰ Константин — римский император IV в., прекративший преследования христиан, в византийской традиции — образец идеального государя.

¹²¹ И отверзошася ... бысть гугнивымъ. — Ср. Ис. 35, 5; 32, 4.

¹²² Но 3 языки есть токмо... и латынски... — Изложенная здесь точка зрения, что воздавать хвалу Богу можно лишь на трех языках, сложилась на латинском Западе начиная с VII в. под влиянием высказываний Исидора Севильского.

¹²³ ...латиньстии и спручьстии архиеръи... — архипресвитеры, стоявшие во главе церковных округов Великой Моравии. Чем вызвано их разделение на латинских и франкских («спручьстии») — неясно.

¹²⁴ ...нарече я триязычники... Господни. — Имеется в виду надпись, сделанная на кресте на трех языках (Лк. 23, 38).

¹²⁵ ...яко подъ землю... вельглави... — Имеются в виду антиподы, жители противоположной стороны земли (по учению пифагорейцев). Большая часть церковных авторитетов раннего средневековья отрицательно относилась к этому мнению.

¹²⁶ И аще кто... того ради. — Происхождение этого поверья, которое пропагандировало немецкое духовенство, неясно. Возможно, таким путем велась борьба с распространенным у славян почитанием змей.

¹²⁷ Аще чьловека... не прикасаеть. — В настоящее время исследователи полагают, что вместо слова «человек» в данной фразе читалось что-то другое. Наиболее вероятно здесь было слово «чльк», прочитанное затем как «члк» — «человек». В старопольском языке это слово было обозначением пресмыкающихся.

¹²⁸ Пожри Богови... молитвы твоя. — Ср. Пс. 49, 14.

¹²⁹ Жены же уности... жена завѣта твоего. — Ср. Мал. 2, 15—16, 13—14.

¹³⁰ Яко речено...прѣлюбь дѣеть. — Мф. 5, 27—28, 32; ср. Мф. 19, 9; Мр. 10, 11—12.

¹³¹ Яже есть Богъ... не разлучается. — Ср. Мф. 19, 6; Мр. 10, 9.

¹³² Четыри же десять мѣсяца... — В Житии Мефодия указан другой срок пребывания братьев в Моравии — 3 года, что, вероятно, более соответствует действительности.

¹³³ Паноньскъ — Паннония, провинция в составе Римской империи; занимала западную часть Венгрии, северную часть Югославии и восточную часть Австрии.

¹³⁴ Бѣнятъцихъ — местный беспредложный падеж от Бѣнѣтъкы — Венеция.

¹³⁵ Диалогъ. — В рукописи: Фолог, исправлено по смыслу.

¹³⁶ Иероним — переводчик Библии, учитель церкви (IV—V вв.).

¹³⁷ Августин — учитель церкви (IV—V вв.).

¹³⁸ Не идетъ ли дождь...ли на вся... — Ср. Мф. 5, 45.

¹³⁹ Явъ же суть си... ини мнози. — Перечень, приведенный Константином, включает в себя ряд народов Закавказья и Ближнего Востока, обладавших ко времени путешествия Константина многовековой письменной традицией, которая в той или иной форме дошла до наших дней. Таковы армяне, персы, грузины, арабы. Наряду с ними в списке фигурируют языки, вымершие к настоящему времени, на которых в IX в. существовала разнообразная литература — сирийский, коптский («египтяне» в списке, которые отличаются от арабов, несомненно потомки древнего населения Египта) и согдийский — восточноиранский язык (Согдиана — область на территории современных северного Таджикистана и южного Узбекистана), служивший международным языком в Центральной Азии в VIII—X вв. Согдийское письмо было создано на основе ближневосточных алфавитов уже в начале нашей эры. На основе согдийского письма не позднее VI в. была создана руническая письменность на

тюркском языке («турси» Жития), существовавшая в Центральной Азии до X в. К ней восходят особые варианты аварского («объре») и хазарского («козаре») рунического письма. Письменность и богослужение на родном языке у готов появились в IV в., со времени их вторжения на земли Римской империи. С готами, остатки которых жили в Крыму в IX в. Константин мог познакомиться во время Хазарской миссии. Абхазы не имели собственной азбуки, возможно, их включение в список объясняется тем, что они использовали при богослужении грузинский (а не греческий) язык.

¹⁴⁰ *Поите Господеви... и въспоите!* — Пс. 95, 1; 97, 4.

¹⁴¹ *Вся земля... вышнии.* — Пс. 65, 4.

¹⁴² *Хвалите Господа еси языци... хвалите Господа.* — Пс. 116, 1; 150, 6.

¹⁴³ *Елико же есть... Божия будутъ.* — Иоан. 1, 12.

¹⁴⁴ *Не о сихъ ... и азъ в тебе.* — Иоан. 17, 20—21.

¹⁴⁵ *Дана ми есть всяка власть... Аминь.* — Мф. 28, 18—20.

¹⁴⁶ *Шедъше въ весь миръ... възъглаголють новы.* — Мр. 16, 15—17.

¹⁴⁷ *Горе вамъ, кънигъчия... не оставляете внити.* — Мф. 23, 13.

¹⁴⁸ *Горе вамъ... внити възбранисте.* — Лк. 11, 52.

¹⁴⁹ *Хошю, да вси языки глаголете... нъ миру.* — 1 Кор. 14, 3—33, 37.

¹⁵⁰ *Аще кто не разуметь — да учится.* — Ср. Прит. 8, 5. Перед нами явная редакторская правка текста: слова «А кто не понимает, пусть не понимает» (1 Кор. 14, 38), содержащиеся в некоторых списках, часто или пропускаются или заменяются как явно не отвечающие идее отрывка в целом.

¹⁵¹ *Тъм же, братъе... да бывають.* — 1 Кор. 14, 39—4

¹⁵² *Всякъ исповьсть... Богу Отцю.* — Фил. 2, 11.

¹⁵³ *...римьскыи папезъ...* — римский папа Николай I (858—86

¹⁵⁴ *Апостоликъ* — апостолический, преемник апостолов, употреблялся наряду с термином «папа римский». Однако эти термины имели разное значение: «папа» употреблялся для обозначения римских пап вообще, в том числе и умерших

¹⁵⁵ *Адриан II* — римский папа (867—872); Николай I, вызвавший братьев в Рим, скончался 13 ноября 867 г., а встретил их Адриан, вступивший на престол 14 декабря того же года.

¹⁵⁶ *...церкви святая Мариа...Фатанъ...* — Перевод греческого слова «фатан» — ясли. Такое название позволяет отождествить упоминаемый храм с известной римской церковью святой Марии «ad praesere», ныне — церковь Санта Мариа Маджиоре.

¹⁵⁷ *Формоза* — епископ Порто, один из главных знатоков восточной политики в папской курии, с 866 г. папский легат в Болгарии.

¹⁵⁸ *Гадерих* — епископ Веллетри, влиятельный советник римских пап.

¹⁵⁹ *...въ церкви святого Петра...* — знаменитый собор св. Петра, главный храм католической церкви, где по преданию похоронены останки апостола.

¹⁶⁰ *Петрунилы.* — Церковь Петрониллы — небольшая ротонда возле собора св. Петра, существовала еще в начале XVI в

¹⁶¹ *...въ церкви святого Андрѣя...* — Имеется в виду церковь св. Андрея, построенная папой Григорием Великим, ныне известна как церковь Сан Грегорио ад Челио.

¹⁶² *...у великаго учителя... в церкы...* — Имеется в виду церковь Сан Паоло Фуори ле Мура.

¹⁶³ *...Арсьнния епископа... епискупъ...* — Арсений, епископ Орто, член постоянного совета при папе из семи епископов наиболее близких к Риму диоцезий

¹⁶⁴ *Настас* — Анастасий, племянник Арсения, глава папского архива и канцелярии, знаток греческого языка, переводч

¹⁶⁵ *Нъсть уже... есть родити.* — Имеются в виду ветхозаветные пророчества: Дан. 12, 11 — 13; Ис. 7, 14.

¹⁶⁶ *О рекшихъ къ мнѣ ... обрадовася.* — Ср. Пс. 121, 1.

---

¹⁶⁷ *Кирилъ*. — По традиции, постригающийся в монашество принимал другое имя, начинающееся с той же буквы. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского, греческого теолога V в.

¹⁶⁸ *...50 дънии*. — Цифра, возможно, символическая, соответствует 50 дням, которые прошли от Воскресения Христа до Сошествия Святого Духа на апостолов

¹⁶⁹ *...покрывая кровомъ крилу твою...* — Ср. Пс. 60, 5.

¹⁷⁰ *Благословенъ Богъ нашъ... избави ны...* — Ср. Пс. 123, 6—7.

¹⁷¹ *...въ 14 дънь... 7 лѣт*. — См. выше.

¹⁷² *...въ свои манастирь...* — Имеется в виду монастырь Полихрон на Олимпе Вифинском.

¹⁷³ *...церкви святого Климента...* — Позднеантичная базилика, сохранилась до наших дней как подземная часть более поздней постройки под тем же названием.

¹⁷⁴ *Написаѡъ же... и ноцъ...* — С этим сообщением в течение длительного времени связывали открытую в XIX в. фреску IX в. в церкви св. Климента с изображением Христа на троне в окружении двух архангелов и святых Климента и Андрея, которые представляют Христу двух коленопреклоненных духовных. В настоящее время историки искусства не разделяют мнения, что на фреске изображены Кирилл и Мефодий, и рассматривают ее как типичную патрональную композицию, выполненную по заказу двух неизвестных высокопоставленных лиц духовного звания.